

ЮРИЙ МЕЩЕРЯКОВ

ПАНДЖШЕР
НАВСЕГДА

ГОРЯЧИЕ
ТОЧКИ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА

25-летию
ВЫВОДА
СОВЕТСКОГО
КОНТИНГЕНТА
ПОСВЯЩАЕТСЯ

Горячие точки. Документальная проза

Юрий Мещеряков

Панджшер навсегда (сборник)

«Центрполиграф»

2014

Мещеряков Ю.

Панджшер навсегда (сборник) / Ю. Мещеряков —
«Центрполиграф», 2014 — (Горячие точки. Документальная
проза)

Идет пятый год афганской кампании, период самых активных боевых действий. Второй мотострелковый батальон, вышедший из Термеза, перешел государственную границу и приступил к выполнению боевой задачи: подразделение должно взять под контроль Панджшерское ущелье... Юрий Мещеряков, кадровый офицер, создал глубокое, серьезное произведение, в котором попытался философски осмыслить тему войны и человека на ней, исследовать состояние души, переживающей тяжелейшие потрясения. Автор – человек одаренный и тонко чувствующий. Его язык ярок, описания зримы, а суждения выстраданны. Он говорит о войне прямо и жестко, книга, как и сама фронтовая жизнь, наполнена драматическими сценами, героизмом, гуманизмом и конечно же любовью...

© Мещеряков Ю., 2014

© Центрполиграф, 2014

Содержание

Об авторе	6
Путешествие в тридесятое царство	8
Вторгаясь в чужие миры	29
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Юрий Мещеряков

Панджшер навсегда

© Мещеряков Ю., 2014

© ООО «Рт-СПб», 2014

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Об авторе

Поэт, прозаик, ветеран афганской войны, за участие в боевых действиях награжден орденом «Красная Звезда». Произведения неоднократно печатались в журналах «Губернский

стиль», «Литературный Тамбов», в газетах «Тамбовская жизнь», «Рассказ-газета», в различных литературных сборниках.

В своем творчестве автор много внимания уделяет патриотической тематике, продолжает традиции писателей-баталистов. Основная тема его произведений – тяжелый солдатский труд. Предлагаемый роман является главной вехой в творчестве автора, он создавался на протяжении семи лет. В настоящее время идет работа над очередной книгой, сборником военных повестей и рассказов.

Путешествие в тридешатое царство

Ночью был дождь. Легкий, весенний, он сделал воздух прозрачным, пропитал свежестью, отчего пустыня ожила, наполнилась рассветными запахами и, словно отвечая на ее призыв, уже пробились к свету самые первые побеги тюльпанов. Утро обещало быть теплым. Солнце краем диска чуть приподнялось над горизонтом, оно только просыпается, шуруется первыми лучами, оглядывая просторы Сурхана, но пройдет час-другой, и азиатское светило станет беспощадным. Здесь это известно всем: и озабоченному тарантулу, что семенит сейчас лапками по склону бархана, и маленькому варану, замершему в ожидании добычи... Вот и человек надвинул армейскую панаму на самые брови, неспешно закатал рукава, чуть скользнув взглядом по тяжелым командирским часам... Пора...

Мерно перебирая траками, боевые машины второго мотострелкового батальона в это утро преодолевали многопролетный гудящий мост через Амударью. Чуть притормаживая правыми гусеницами, вгрызаясь во влажный покров пустыни, они оставляли позади себя шлейфы песка и пыли и, выполнив плавный поворот, мягко вкатывались на железную платформу. Строгие контуры боевых машин, матово-зеленый цвет брони, сдерживаемая мощь дизельных моторов словно заявляли о своей высокой готовности к бою. В таком случае сегодня им определенно везло, поскольку время принятия решений было уже пройдено и пакет с боевой задачей вскрыт.

Под мостом стремительно несла мутные воды своенравная река, которую кто-то беззлобно, почти по-детски назвал *речкой*. Здесь, на ее стремнине, пролегла неосязаемая государственная граница, и только на каждом из берегов вполне осязуемо тянулись по три ряда заграждений с разделяющими их контрольно-следовыми полосами. Окутанная гулом двигателей, горячим прозрачным дымом, армейская колонна через этот бурлящий Рубикон уходила в чужие пески и земли, в Афганистан. Она уходила на войну, становясь ее пушечным мясом, тем непременным расходным материалом, который при необходимости легко будет списан росчерком августейшего золотого пера.

Странная война шла пятый год, не зная перерыва и отдыха, перетекая из одной фазы в другую, так и не приближаясь ни на шаг к завершению. Великий и могучий Союз, его правительство, Политбюро – кто там еще? – кажется, не осознавали, что происходит на самом деле. А сотысячный контингент экспедиционных войск мучительно, вслепую доискивался до глубинного смысла происходящего, пытался открыть для себя заповедную страничку истины, но, увы, что позволено Юпитеру, не позволено быку, страничка с магическим символом не открывалась.

Что говорить о солдатах – они приняли присягу и на два года потеряли право определять свою судьбу, а знать права у них не было никогда. Офицеры в сочувственных оценках не нуждались, их право принимать решения дорого стоит, но и у них не было права знать. Вкусив властных амбиций, они не желали быть безропотными быками, да и агнцами божьими тоже, и воспринимали свой поход на Восток не иначе как миссию, однако вопрос оставался без ответа: кто же они здесь? Почему эта дикая страна не признает их гуманизма, почему каждый второй афганец готов перерезать им горло, выстрелить в спину?

Были, конечно, и другие люди, современные, не признававшие старый порядок вещей. Им казалось, что шурави несли с собой не зло, а ветер перемен, надежду. Сквозь религиозную окостенелость они пытались увидеть завтрашний день своего народа.

Война – дело молодых, так уж повелось, и молодые советские офицеры, гордость нации, достойно приняли свой жребий. Воспитанные на героических примерах отцов и дедов, на интернациональных идеях, они не страшились ничего. Даже погибнуть в бою с честью и славой? Взойти на самый высокий пьедестал? Да и эта маленькая жизнь обретет смысл, а не

истлеет, как зола... Может быть, кого-то и заносило в отважных помыслах, но ведь они были так молоды... Перед ними не стоял вопрос карьеры. Надежные дубовые ступени карьерной лестницы сами искали начищенные до антрацитового блеска хромовые лейтенантские сапоги. Как поскрипывала новая кожа, какой она источала запах! Это был сладкий запах неизведанной службы, но он был только приложением к другому, такому же сладкому, запаху оружейной смазки, который несли с собой новые Калашниковы.

Им внушали, но они и сами внушали себе, что воюют только с бандитами, с душманами. Все это так, но... с каждым месяцем пребывания в Афганистане, медленно погружаясь в иную цивилизацию, переступая через юношеский романтизм, они неизбежно наталкивались на единственный и окончательный вывод, как на приговор. Против них сражается дремучая и оттого безнадежная патриархальность, полуграмотный афганский народ, и все происходящее здесь называется такими знакомыми, такими страшными словами – гражданская война, они же сами – интервенты, иностранные оккупационные войска. И никакая газетная трескотня не могла изменить это ощущение...

Возможно, в этом было всего лишь приближение к открытию. Возможно, что и те, кто отдавали приказы, вершили судьбы тысяч людей, тоже приближались к своему открытию, пытаясь ответить на неразрешимые вопросы. Почему вот уже пятый год нет ни победы, ни чувства удовлетворения, к чему может привести затяжная война и перед кем придется склонять благородные седины, когда придет время отвечать и платить?..

И вот еще один укомплектованный по полному штату батальон, сорок две единицы новеньких БМП-2, и четыре сотни офицеров и солдат готовы к длительной командировке. Это официальное название, если угодно, камуфляж, за которым, как за темными стеклами очков, скрывали и глаза, и правду. Офицерам, солдатам выбора не оставляли и даже перед отправкой не сообщали, что за кордоном их ожидает настоящая война и не каждый из них вернется. По всей видимости, очень высокие руководители не считали нужным называть вещи своими именами. Или боялись? Ну уж нет. Однажды взойдя в Кремлевские палаты, поздно испытывать страх. Данный вояж в коридорах власти расценивался как чисто техническая операция и размышлений такого рода не вызывал, а люди всегда умели умирать за идею, их учили этому со школьного возраста. Так чья же теперь очередь?

* * *

За последние дни Ремизов устал как черт, осунулся, стал раздражительным. По его сухому лицу раз за разом пробегали штрихи первых морщин, от переносицы они поднимались к высокому лбу, замирали в напряжении в уголках больших карих глаз. Резче выделялся шрам на правом виске, след прошлогодних тактических учений. В узкую выразительную полосу сжимались обветренные губы. Конечно, подготовка к длительной командировке требовала много времени и сил, но этот новый, неумело организованный ритм службы выбивал из колеи. По большому счету молодые офицеры, и он в их числе, полные энергии и максимализма, легко смотрели на водовороты жизни, на предстоящее путешествие, быстрее бы уж туда, за речку. Их не одолевала коррозия сомнений, они по-настоящему верили, что им все по плечу, что русский солдат лучший в мире, а наша тактика и оружие самые передовые. Разве нет? Осталось только правильно применить весь этот славный набор козырей.

Больше других нервничали те, кто не должен был пересекать границу. Они, то есть командир полка, начальники служб обеспечения, другие управленцы, не имели ни минуты покоя, у них своя задача – в сжатые сроки спихнуть со своих плеч эти три батальона, о которых так печется Москва, вычеркнуть их из всех списков, снять со всех учетов. И при этом не помещало бы списать на убывающих как можно больше то ли утерянного, то ли разворованного имущества. Волна суеты и ажиотажа когда-нибудь схлынет, вот тогда они наконец вздохнут

свободно и с полным на то правом волю напьются узбекской водки за свою крупную организационно-штатную победу.

Перед офицерами и солдатами мотострелковых батальонов открывалась совсем другая перспектива. С ними уже третью неделю, согласно утвержденному плану, методично и масированно проводили тактические занятия с переходом в тактические учения. Старый взводный Хоффман здесь бы уточнил: издевались, а с ним, со старым взводным, не поспоришь, все соглашались, и не только солдаты, но и ротные командиры. А что до лейтенантов, то это слово казалось им созвучным другому, иноземному, известному на Руси с древних времен, не то петровских, не то павловских, а именно – муштра. Вот так и думал Ремизов о выпавшей им предкомандировочной подготовке. Вокруг, до горизонта, пустыня, то есть полигон, и слава богу, что в марте воздух здесь разогревается только к полудню. Оттачивайте, парни, слаженность подразделений, все в ваших руках, но потом ни слова о том, что вами не занимались. Занимались, еще как! Развертывание в боевой порядок на бронетехнике, атака передней траншеи противника, десант из машин на ходу, стрельба в полный рост и с колена, как будто батальон готовили к европейским равнинам. Полевая форма на спине и под мышками не просыхала от пота, а когда и просыхала, покрывалась белыми соляными разводами... И все бы ничего, такая она, солдатская работа, кто на что учился, как говорил старый взводный Хоффман, но ведь за речкой, куда их направляли, снеговыми пиками из недр земли вырастали горы. Командование на это обстоятельство внимания не обращало и продолжало добросовестно отрабатывать галочки, согласно все тому же утвержденному плану.

Юное племя лейтенантов бунтовало и, как только солнце уходило за горизонт, отправлялось в Термез, домой, к своим таким же юным женам, саботируя усиленные ночные дежурства. Командир полка их не слышал и раз за разом заученно повторял что-то про ответственность и долг, упорно замалчивая, как и чем именно они будут его отдавать. Ему нравилось слово «долг», словно он был главным или единственным кредитором в полку, а все остальные – его должники. Все дело заключалось в цене. Каждый понимал ее по-своему, но то, что эти последние дни в Союзе, дома, никто не может у них украсть, понимали все. Мишка Марков так вообще один день прогулял, сказался больным, благо, что новый ротный Мамонтов смотрел на подобные вещи снисходительно, а если получал «рапорт в стеклянной таре», то и одобрял. Это свободное племя безапелляционно считало протест нормальной формой жизни, да и сколько им осталось-то этой жизни...

Ремизов злился. Чтобы увидиться с женой, испытывавшей от предстоящей разлуки приступы то любви, то полной растерянности, он должен был поздно вечером пройти пешком, если не подворачивалась попутка, семнадцать километров до города по песчанику и шоссе, а утром мчаться на такси обратно на полигон. Пять-шесть часов ночью вместе, и снова целый день под азиатским солнцем и под прессом агонизирующего командования. Какого черта они нервничают, как будто это их задницы будут жариться на раскаленных сковородках? Жариться будут другие, но лейтенантам с полковниками не тягаться и не объяснить своей окопной правды, хотя по всему видно, доставалось и командованию, на каждого полковника всегда найдется свой генерал, ну а там и до членов ЦК недалеко. Все это не беспокоило молодого лейтенанта, который и не осознавал, что уже вступил в Большую Историю.

За полгода службы в этом «образцовом» гвардейском полку он так и не успел встать на ноги, понять свое гордое офицерское предназначение, а вот потерять налет наивности успел. Его выводы могут показаться прямолинейными, но одно отмывание полкового плаца со щетками и мылом чего стоило его самолюбию! Раньше он думал, что это только армейские басни, когда же все оказалось правдой, испытал настоящий шок. Гражданские люди, проходя по центральной улице Термеза мимо расположения полка, останавливались у красивой литой ограды и с интересом смотрели, что делают солдаты посреди плаца, а Ремизов, пунцовый от стыда, прятался от их взглядов в тени деревьев. Домой день за днем он добирался ближе к полуночи,

служба умела высасывать соки, но он бы выдержал все, если бы почувствовал результаты своего труда. Серая-серая полоса дней. Душно. Зачем он это делает, ради чего служит? Ушел бы, наверное, если б знал куда и если б еще отпустили. Присяга стала как будто приговором к каторжным работам, а для офицера, что для рекрута из XVIII века, – на долгих двадцать пять лет. Когда он это понял, предстоящий вояж в Афганистан стал воспринимать как прорыв, как путешествие в другой мир, печали уступали место надеждам, в двадцать один год на многие вещи смотреть было легко.

Оставалось только пережить две недели на полигоне – и вперед! Но вдруг в его отчаянные, пристрастные размышления вонзилась одна большая заноза. Пока Ремизов совершал ночные марш-броски домой и обратно, в их роте буйным цветом зацвела дедовщина. Укол совести пронзил его так, что он чуть не задохнулся: «Слабак, а как же твой командирский долг?» – при всей нелюбви к своей службе лейтенант воспринимал дедовщину как личное оскорбление, как идейного врага. Она – явление, бороться с ней в одиночку и от случая к случаю нельзя и невозможно. Одни, крепкие, дерзкие, уже послужившие, хотят жить за счет других, молодых и слабых. Эти другие, впервые столкнувшись с настоящими тяготами военной службы, не умеют за себя постоять. И что прикажете делать с овцами, когда у волков уже выросли клыки? Каждый офицер на такие вопросы отвечает сам, и однажды осенью ему тоже пришлось ответить. Старослужащие, два отъявленных подлеца, издевавшиеся по ночам над молодым пополнением, вывели взводного из себя, разбудили дремавшую в нем brutальную натуру. Ремизов, наивный миротворец с румянцем на щеках, побил их самым заурядным образом, и баланс противоречий на время уравнился. Он знал, что командир так поступать не должен. Но надо совершать поступки! Пока армейские наставления степенно и надменно молчат. Даже если они молчат. Родился бы в Дании, может, и Гамлетом стал бы, а здесь неуместно и почти беспомощно он сочувствовал молодым солдатам, хотел воспитать в них сплоченность, чувство локтя, и эта сентиментальность его угнетала, точила изнутри, как червь.

Под порывы декабрьского ветра-афганца, бьющего в окна крупинками песка, они сидели вдвоем в полуночной ротной канцелярии, обычным русским способом снимали накопившийся за неделю стресс, а заодно вырабатывали новую армейскую философию.

– Артем, Рем, не мучайся. Смотри на вещи проще! – После стакана водки лицо у Толика Рыбакина, взводного из шестой роты, покраснело, подобрело, и он, чувствуя себя в роли наставника, пытался втолковать свою идею непутевому ученику. – Не строй из себя кисейную барышню, мы не в институте благородных девиц.

– Толик, понимаешь, расстроился я. Сильно расстроился. Говоришь по-человечески – не доходит, в морду заедешь – все на свои места становится. Гадко мне от этого, вечером домой придешь – ощущение, что весь день в грязи возился. Опустошение внутри, а тут тебе устав, какой к черту устав, – только теперь Ремизов постигал значение избитой, фатальной фразы «забудьте, чему вас учили в училище». Этика, психология, педагогика, рассчитанные на добросовестных солдат-комсомольцев, оказались ничем перед унижительной, а иногда и жестокой дедовщиной. Правила избирательны, мудрость всеобъемлюща.

– А какой выход, ты что-то новое можешь придумать? Культ грубой силы, кстати, не только физической – вот и весь выход, как это ни банально. Любая власть держится на силе, проверено, сам знаешь, и ее нужно показать, продемонстрировать. Понимаешь, не кичиться ею, а вовремя и точно использовать в интересах дела. Точечно, хирургически, вот в чем суть. В этом есть и тактика, и стратегия власти, контроля над ситуацией.

– Я говорю не о власти.

– Чем это она тебя обидела? Это же рычаги управления!

– Не слишком эффективные, иначе эта дрянь не чувствовала бы безнаказанность. Они издеваются над молодыми, а что я могу им противопоставить? Лишить увольнения, наряд вне

очереди объявить, да? Напугал, конечно! – Ремизов расслабился от водки, и накопившаяся обида нашла себе выход.

– Твоя принципиальность прёт аж через край, ты видишь только черное и белое, а мир-то весь в полутонах. Ну вот мы же с тобой понимаем друг друга, хотя я не во всем с тобой согласен. А насчет власти не скажи, это та волшебная палочка, которая с течением времени становится маршалским жезлом, есть власть – есть и командир, нет ее – и ты – тряпка, о которую вытирают ноги. И ты правильно поступил, эти твои два дембеля, Хасанов и Курдюмов, давно напрашивались. Будь проще, не усложняй, я в своем взводе только так порядок и навел. И ты неплохо разобрался. А значит, метод действует. В итоге надо быть просто справедливым по отношению к другим и честным по отношению к себе.

– Но есть же и другой путь, по этим ублюдкам давно дисбат плачет. Уж я бы их засадил на всю катушку.

– Ага, плачет. Ты погоди насчет дисбата, не горячись. Не все так просто. Всех не пересягать – никаких дисбатов не хватит. Посмотри, что вокруг творится. После обеда полк по тревоге не соберешь, а, между прочим, это и есть самая главная военная тайна.

– Вот если бы лобное место посреди плаца установить и показательную порку розгами устраивать вместо вечерней поверки! Как думаешь, за два вечера навели бы порядок? Да и на одну тайну меньше бы стало.

– Ох, и мечтатель же ты, Рем. Но есть и другие методы. Римляне говорили, разделяй и властвуй, а потом добавляли – кнутом и пряником. Улавливаешь?

– Еще бы нет, и я сейчас о том же.

– Не совсем, это другое. Учись, пока я жив. Если в человеке заложена воля, если он по своей природе лидер, ему надо дать шанс, более того, это верный способ избежать лишних противоречий. Дух победителя закладывается в детстве, а то и с рождения, такого парня надо двигать в сержанты либо постоянно ставить старшим на работах, поощрять, пусть реализует себя. Следишь за мыслью?

– Согласен, резон есть.

– Ну так они ж себя через дедовщину проявляют, их натура сквозь шкуру лезет, ей простор для действия нужен. Масштаб.

– Толик, что-то я не очень тебя понимаю. Некий мистер Икс имеет волю плюс криминальные наклонности, благодаря чему терроризирует окружающих, а ты его предлагаешь канонизировать сержантом, чтобы он развернулся по-настоящему?

– Не усложняй. – Толик навалился грудью на стол и с раздражением продолжил: – Мы с тобой, вот ты и я, поставлены в рамки, в очень узкие рамки, мы не выбираем себе солдат, и к нам не присылают воспитанных интеллигентов. Что страна нарожала восемнадцать лет назад, то и изволь принять. При этом всех толковых себе забирает разведка, связь, Морфлот, артиллеристы, пограничники, а нам с тобой-то что осталось. Доходит, нет? Что ты такой твердолобый?

– Да не заводись ты. Я же о другом.

– О каком другом? Как раз об этом. Как управлять этой толпой, если не сказать хуже. Он вчера маменькиным сыночком был, иголку в руках держать не умеет, ботинки сам никогда не мыл, и ты хочешь, чтобы такого мой взвод обласкал, – воскликнул Рыбакин. – Вот именно, *обласкает*.

Он успокоился после своей тирады и, чиркнув спичкой, медленно закурил сигарету.

– Идеалист ты, Рем. Конечно, наивность свидетельствует о чистоте души, но, согласишься, иногда она – просто глупость.

– Брось, все не так. Во всем должен быть порядок. Это мое кредо. А шпану я с детства не люблю.

– Это не шпана, это наши солдаты. – Рыбакин усмехнулся, выпуская в потолок струйку дыма. – Так ведь я не закончил. Вот из всей этой массы надо выбирать себе приближенных, свою гвардию, оказывать доверие, ну и, конечно, прощать им какие-то маленькие слабости.

– Мог бы не продолжать, все я понял.

– А по поводу дисбата... Вот что, давай пшеничную добьем, а потом я тебе расскажу, кто на этой кухне поваром подрабатывает...

Этот разговор состоялся еще зимой, и вот теперь он сам собой всплыл в памяти. Хасанов и Курдюмов присмирели-таки и благополучно уволились в декабре, под Новый год, почти под бой курантов, и надо же, трех месяцев не прошло, как все началось заново. Только что укомплектованная по полному штату, собранная со всего Туркестанского округа рота, как и весь батальон, сама устанавливала свою новую внутреннюю структуру, делила влияние, определяла своих авторитетов. И делалось это доисторическим, проверенным способом – кто сильнее, тот и прав. А в это время доблестный командир третьего взвода пятой роты гвардии лейтенант Ремизов нежился в мягкой постели с молодой женой. Какой позор. Ему и вправду стало пакостно, он чувствовал себя виновным сразу по всем статьям Уголовного кодекса. И вот эти самые солдаты и сержанты, имеющие образцовые характеристики с прежних мест службы, войдут в Афганистан для поддержания демократической государственной власти. Они будут оказывать братскую помощь. *Артем, не терзайся, не угнетай себя, до истины, как до воды в знойной пустыне, – не докопаешься... Ладно, у меня будет двадцать четыре часа каждые сутки, чтобы навести порядок.* С этой мыслью он и направился к своим людям.

* * *

Колонна, перевалив через мост и войдя в Хайратон, пограничный афганский город, остановилась. Предстоял пограничный и таможенный контроль. Пограничный – да, с обеих сторон границы несли службу советские зеленые фуражки, а вот насчет таможенного... Сегодня таможня дает добро, этот только что сформированный батальон ей не интересен. У афганцев же многое считалось редкостью или дорогим товаром, да хотя бы алюминиевая посуда или рулоны материи, электрические приборы. Здесь, за речкой, как говорил в Термезе сосед по коммуналке, знающий толк в валюте и в контрабанде, все в цене, но самым выгодным товаром оставалась русская водка. В те времена она продавалась по сорок чеков внешпосылторга (считай – долларов) за бутылку, и тот, кто часто пересекал границу и понимал, о чем идет речь, делал на этом маленький бизнес. Люди в колонне не ценили своей материальной выгоды, все потому, что их завтрашний день обещал быть жарким и ветреным, а вот выгоды не обещал. Они крутили головами по сторонам, ощущая горьковатый привкус чужой земли, ее нахлынувшие запахи. Все вокруг было особенным, новым, перед их глазами простиралась не только другая страна, затерявшаяся в самом центре Азии, среди гор и пустынь, но и другая жизнь, и если быть точным – другая цивилизация, то самое тридцатое царство. Сейчас они переворачивали страницы своих судеб, не задумываясь, сколько их там еще. Если бы кто-то посторонний прислушался, то непременно уловил бы, как хрустко, как отчетливо шелестят эти страницы. Они все, солдаты и офицеры, навсегда, до конца дней своих запомнят это прохладное утро шестнадцатого марта 1984 года – начало своей войны забыть невозможно. Изредка порывом ветра по их лицам пробегала тревога, они оглядывались на оставшийся теперь уже за границей берег Амударьи, на одичавшее за зиму колесо обозрения в городском парке Термеза и надолго прощались с тем, что всегда называли своим домом и страной. Там осталась их Родина, их великая держава с великим именем – Советский Союз.

По обочине дороги, как по долговому караванному пути, неторопливо переставляя ноги и погоняя нагруженного хворостом ишака, шел одинокий путник. Первый встреченный афга-

нец – как мессия, как пророк. Он был стариком и совсем не походил на всех известных Ремизову таджиков, узбеков, туркмен. Согбенная спина, темное, изрезанное глубокими морщинами лицо с узкой седой бородой, на голове смотанный из грязной цветной ткани тюрбан, такой же грязный был стеганный чапан, подпоясанный кушаком, босые заскорузлые ноги имели цвет земли. Ремизов рассматривал старика, словно археологическую диковину, совсем скоро он привыкнет к подобным зрелищам, а также поймет, что в определении возраста нужно быть осторожнее, этот старик вполне мог быть немногим старше средних лет. Их глаза встретились. Открытый улыбающийся взгляд молодого русского офицера натолкнулся на такой же открытый, но полный вражды взгляд афганского старика. Много жил, много видел, много знает этот путник, однако, он совсем не философ. Сегодня на его земле чужестранцы, и в его сердце зло. Это правда. Но был Искандер, были персы, был Тамерлан, были англичане. Где они все, и что станет с этими? Иди в пустыню, постой среди песчаных волн, послушай, о чем столетиями поют барханы, и найдешь ответ. И окажется он удивительно знакомым: все пройдет. И это пройдет. Не оглядываясь, не меняя выражения лица, почтенный аксакал, как символ бессмертного времени, степенно прошел мимо колонны и по густой глинистой пыли направился в запутанные переулки Хайратона. Беззаботный ослик, мотая хвостом, семенил следом, ему было все равно, какие люди и чьи машины стоят на разбитой обочине этой страны.

Так и началась эта война.

Куда ведет дорога? А никуда она не ведет. Вокруг, до горизонта, бледно-желтые, нагретые под солнцем пески, над ними белое небо и в нем, как проклятье, жгучее и такое же белое солнце. Барханы, барханы, дюны, горячий низовой ветер несет по ним комки верблюжьей колючки, сдувает с гребней струйки песка, замечает любые следы. Возникло впечатление, словно и серая нитка дороги растворяется где-то там, впереди, среди миражей и песчаной пыли. Колонна шла хорошо, быстро, в эфире изредка шли вялые переговоры, комбат Усачев или его начальник связи Мамаев запрашивали тыловое замыкание, все ли в порядке, держат ли дистанцию, ну и все, что положено соблюдать на марше. Навстречу не попадалось ни одной машины, как будто их бронированная змея получила зеленую улицу. Суть заключалась в другом. Комендантский час на трассе прекращается в восемь часов утра, и все афганские и наши армейские колонны до этого времени томятся в безопасных отстойниках в районе Ташкургона, Пули Хумри, Саланга, а оттуда до Хайратона неблизкий путь. И всем нужен именно Хайратон, крупнейшая перевалочная база, крупнейший терминал, где ежедневно швартуются баржи с продовольствием и стройматериалами, где на платформах и путях пятикилометровой железной дороги разгружаются составы, где идет перекачка дизельного топлива и керосина. И все из Союза. Войска тоже шли из Союза.

После полудня на перекрестке разминулись с дорогой на Мазари-Шариф. Оставив справа, где-то за барханами, мусульманские святыни, не сбавляя оборотов, боевые машины рвались навстречу пустынным просторам и близким отрогам Гиндукуша, их траки пролистывали километры асфальта, потоки воздуха остужали гудящую броню и лица солдат, изредка выглядывающих из десантных люков. Запах дизельных выхлопов щекотал ноздри, мерное покачивание на амортизаторах убаюкивало, они дремали, и в их ярких молодых снах совсем не осталось места войне. «...Командиры приказывают, командиры все знают... говорят, что в этой стране все по-другому, нет электричества, радио, а женщины ходят в паранджах... вот приеду домой, расскажу, подарки привезу...»

На закате колонна остановилась в Ташкургане. Рассмотреть этот то ли крупный кишлак, то ли город не удалось. В марте темнеет рано, да и любопытство к вечеру поулеглось, сказывалось напряжение дороги, оно продолжало ныть во всем теле, и люди, уставшие от гула, вибрации, от бьющего в лицо ветра, блаженно сидели на твердой прохладной земле. Самым бодрым казался Рыбакин, плюс солидное прозвище «полковник» обязывало его время от времени проявлять инициативу. За ним дело не встало.

– Мужики, слушай меня, сначала дастархан организуем, вот тогда и расслабимся.

Повторного приглашения не потребовалось. Отправив роты со старшинами поближе к походной кухне, лейтенанты устроились вокруг походного стола, состоявшего на тот момент из двух плащпалаток, заставленных в течение пяти минут водкой, мясом, овощами, домашними салатами и пирожками. Эпохальный день заканчивался. Они хотели побыть вместе, как будто заново найти свое место в общем строю.

– Ну что, все в сборе, – замполит шестой роты Николай Черкасов, а по причине чуть раскосых глаз в обиходе Черкес, взял бразды правления в свои руки, и теперь это застолье стало называться мероприятием. – Я тут единственный политработник, поэтому первый тост за мной. Мужики, давайте выпьем за нашу любимую, за нашу великую Родину. Раньше мы говорили о ней только на собраниях, в официальной обстановке и не задумывались, что она такое для каждого из нас. Теперь же она не только за горизонтом, но и за кордоном. И от этого стала только дороже. Давайте выпьем за нашу великую державу, за Советский Союз!

У Черкасова иногда прорывалось масштабное видение мира, правда, с партийно-политическим уклоном, но к этому пафосу его приятели давно привыкли, а нынешний торжественный тост оказался как никогда к месту. Все они – офицеры, служат народу и государству и присягу принимали по убеждению. Выпили дружно, залпом. После долгой нудной дороги, пробившейся сквозь пустыню, после того как дом стал дальше, чем край света, водка показалась лечебным бальзамом, а Рыбакину так и вообще тонизирующим напитком, адаптировался в новой ситуации он лучше других и на удивление легко.

– Ну, Черкес, ты выдал, молоток!

– А пошел бы ты...

– Замполит, кончай заливать, а то ты еще и про интернациональный долг ввернешь, чтоб его... Оставь для политзанятий, будь ближе к людям! – Взводный из той же шестой роты Сергей Москаленко не хотел отгаивать, не особенно любил шутить и выглядел сейчас утомленным. После недолгой паузы он разлил всем по второй и добавил: – Мужики, а я другое скажу. Страна, она большая, а родина маленькая. Нас здесь девять человек, все свои, и дай нам Бог через два года где-нибудь в березовой рощице вот так же собраться и посидеть.

– Ну и надеремся же мы тогда!

Легкомысленно и бодро Ремизов опрокинул кружку, между тем в его мыслях, как на сигнальном табло, четко отпечатались краткая и емкая фраза: *никогда мы не соберемся вместе, не бывает так*. Там, в глубине сознания, на мгновение стало холодно, повеяло тоской и одиночеством, а новые глотки алкоголя только придавали ясности совершенно новым, неожиданным и совершенно трезвым мыслям.

Москаленко тем временем что-то настойчиво доказывал своим соседям по застолью, в его голосе с мягким донецким акцентом чувствовалось раздражение от пережитой беспомощности, с которой он никак не мог смириться.

– Миша, ты пойми, я в рапорте четко указал, почему не могу ехать в Афган. У меня мать старая, ребенку только год исполнился, и не нужен мне этот повышенный оклад. Охотников до приключений полно, а мне не надо приключений. Командир полка, когда я ему это сказал, ногами начал топтать: приказ, приказ! Надо выполнять! Я ему про присягу, там четко сказано: «...защищать Родину», а про экспедиции в жаркие страны ни слова не написано. Короче, я пошел в полный отказ, ну и кое-что про его задницу вставил, когда он в кресле развалился. Его, конечно, взбесило, ну он и давай кропать в прокуратуру. А там уж без эмоций, прокурор – человек спокойный, выдержанный – говорит так мягко: «Ну что, батенька, дело возбуждать будем? Вот кодекс, читайте внимательно. Ага, прочитали, теперь ваше решение. Ну-с?» Вышел я из его кабинета как опутанный силками.

Москаленко замолчал. Он был единственный в этой компании, кто четко знал, чего не хочет. Он не хотел идти на эту войну, она же не оставляла ему никакого выбора...

– Серега, не стоило и пытаться. Кого надо, тех отмазали без шума и пыли. У Давыдова из третьего батальона отец – замдиректора на мебельной фабрике в Ташкенте, подогнал кому надо спальный гарнитур. Где теперь Давыдов? Правильно, в другом полку, его батальон через два дня следом за нами пойдет, но уже без него.

Миша Марков, добрейшей души человек, эти слова в его воображении должны были смирать и утешать, но все зависит от того, кто и как их услышит. Черкасов был более категоричен:

– Серега, и что теперь? Все уже состоялось. И потом, ты же здесь не один. На нас посмотри. Мы все – рабоче-крестьянские дети. Что кому на роду написано, тот того и хлебнет. Это произошло, и это надо принять, как есть. Этим надо гордиться. Мы же настоящие офицеры, а не паркетные.

Разговор мало-помалу перешел на эту стороны границы, и оказалось, что, по существу, никто из лейтенантов ничего не знал о происходящем. Отрывки, эпизоды, фрагменты – вот, собственно, и все. Глухое молчание окружало эту войну. В прессе изредка встречались сухие сообщения об успешных операциях, проведенных афганской армией при поддержке наших войск. Из армейских кругов вообще никакой информации не поступало. Оставался единственный достоверный источник – рассказы тех, кто оттуда вернулся. Но эти люди ничего не хотели рассказывать даже своим близким, даже друзьям – да, был, да, видел – и все. Только второй стакан развязывал им язык, когда не совсем четкая речь, наполненная горечью и болью, начинала течь прямо из сердца. Понять в их словах что-то определенное не было никакой возможности, кроме одного – где-то там, за речкой, есть эпицентр многовекового зла, ломающий и калечащий человеческие жизни и судьбы. Наверное, они и сами не знали, что с ними произошло.

Два приятеля, один умеренный скептик, другой – такой же умеренный оптимист, Костя Хоффман и Ренат Козловский, прослужившие в армии офицерами больше других, то есть по полтора года, наслушались пересказов чужих историй и решили сменить тягостную тему на более приятную. Ренат со своей неизменно обворожительной восточной улыбкой неожиданно произнес:

– Мужики, а какие пирожки испекла моя Гала, ну хоть бы кто заметил. Потрескали все, а где благодарность? Э-э, лучше подумайте, когда в следующий раз вы будете кушать домашние пирожки. Разумеется, у меня есть тост, давайте выпьем за наших любимых женщин.

– И за не наших, и за нелюбимых тоже, пусть будут, – уточнил Костя. Затем, оттопырив мизинец, аккуратно выдохнул и, хрустнув огурцом, рассудительно продолжил: – Вот так-то, господа военные, попрощаемся с дамами на неопределенное время. Нашего брата здесь, надо полагать, как песка в пустыне, а как дела обстоят со слабым полом? Вопрос. Так что еще посмотрим, каков здесь этот самый ограниченный контингент.

– Конечно, посмотрим, – продолжал Козловский. – Только не надо столько обид и страданий по поводу нашей командировки, э-э, я бы назвал эти эмоции преждевременными. Сидели бы сейчас по своим казармам среди запаха гуталина и портянок, ждали бы, когда закончится очередное архиважное совещание у командира полка. Товарищи офицеры, мы вырвались из болота! Уже в этом есть неоспоримый плюс, цените то, что есть, а моя Гала еще пирожков напечет, когда мы вернемся.

– Насчет того, что мы вырвались из болота, я согласен на сто процентов, – вставил Ремизов.

Он не врал. Слишком долго берегли его и спасали любовь, семья, маленькая комната в коммунальной квартире, ставшая домом, в который он возвращался после службы. Но, кажется, у всего есть предел. Когда на прошлой неделе перед строем батальона командир полка, брызнув слюной и воинственно вскинув руку, в очередной раз воззвал к их интернациональным чувствам... Ремизов понял, как страшно устал, что служить здесь больше не может.

– И почему все должно быть плохо? Откуда такой пессимизм? Поживем – увидим.

– Это же классное путешествие – пошататься по другим странам, на мир посмотреть. Бесплатно! – восторженно заявил уже Черкасов. – Ренат, наливай, в этом месте надо поставить акцент.

– Путешествие бесплатное, а вот денег, кстати, подзаработать можно.

– Узнаю Козловского, – хмыкнул Хоффман, – сдохлого барана хоть шерсти клок.

В мужской компании, а тем более в армейской, разговор редко поднимается до кругов высоких материй. Так что в итоге обошлись без смысла жизни и подобных эфирных понятий, остался без особого внимания и легкомысленный женский вопрос, поскольку первым делом самолеты... О том и толковали, но в конце разговора сошлись на том, что нечего размазывать сопли, офицер – это высокое звание, заодно вспомнили и старую русскую поговорку «Бог не выдаст – свинья не съест». За весь ужин не проронил ни слова, отмолчался, только Антон Фоменко, по-свойски Фома. Он больше других переживал разлуку с домом, с молодой женой, а эта сторона жизни казалась ему непомерной тяжестью, во всяком случае, никто так и не увидел улыбки на его лице.

* * *

Любовь – страшная сила. Ремизов читал об этом, смеялся, не мог представить, что беззащитное, воздушное чувство способно быть и молнией, и вулканом. Испытать же этот разрушительный вулкан самому или, что еще хуже, испытать на себе ему не пришлось – сама его жизнь была только в начале.

– И тебя достанет. Все случится, как раз, когда не ждешь. Так что, будь готов к любым испытаниям. Будь всегда готов, – наставлял старый взводный Хоффман.

– Какой смешной этот твой приятель, – говорила на это жена Ремизова Ирина, – как будто он ну все-все на свете знает.

– Все – не все, а вот его жена взяла да и уехала от него. Так и сказала: «Умный ты очень. Трудно с тобой».

– Еще вернется. Таких, как он, не бросают.

– Это каких – таких? Что ты имеешь в виду? – Ремизов поднял вверх брови. – Ты Костю знаешь?

– Мы же в одном дворе живем. Он умный, а значит, рассудительный, обстоятельный. Значит, не совершает необдуманных поступков. – Она внимательно и даже критически посмотрела на своего мужа. – Не волнуйся, ты тоже умный.

– Ну спасибо. Получается, если следовать Грибоедову, что и меня тоже ждет фиаско, то есть горе после ума.

– Вот болтун. Любишь ты все обобщать.

– Я? Обобщать? Помнишь свои первые слова, когда ты прилетела в Термез?

– Разве можно все помнить? – Эти-то слова, сказанные у трапа самолета, она как раз помнила, потому что почти сразу пожалела, что вообще их произнесла.

– Да-а? – Ироничная улыбка блуждала по его губам. – Я напомним. Разве не ты сказала: *я тебя почти забыла?* Да я в шоке был от этих слов. И это жена офицера, месяц в разлуке, и все – забыла. Если бы я обобщал, у тебя не было бы шансов.

– Ты все придумал. Не могла я так сказать. Сочиняешь тут всякие сказки.

Хотелось праздника. а с новым годом ничего не выходило. И ремизову, и Маркову, и Рыбакину, и Фоменко, поскольку они были молодыми не только в прямом, но и в переносном смысле, в самую главную ночь в году предстояло дежурить. Одни до полуночи, другие – после. надо учесть, что от казармы батальона до гарнизонного городка идти сорок минут быстрым шагом, а это значит, что при любом раскладе никто из них не мог оказаться за праздничным столом в ноль часов, ноль минут нового года. Им, военным, конечно, не привыкать, но как быть

с девчонками? Они, совсем юные, беспомощные, как комнатные цветы, выросшие и воспитанные среди своих обустроенных городов, только-только начали понимать, из чего складывается настоящая жизнь, и практически ничего не знали о службе своих мужей. а жизнь – это все-таки борьба, и если не за выживание, то уж за место под солнцем точно. Они оставались без праздника.

– артем, я придумал, – Марков забыл произнести заветное «Эврика!», а в остальном он был очень убедителен и даже восторжен, – давай соберемся в субботу перед новым годом у меня. ну и отметим! Какая разница, какого числа?

– Поддерживаю! важен не сам праздник, а праздник в душе.

– Я рыбакиных приглашу. Фому – нет. Они с валеи скучные какие-то. друг на друга смотрят, насмотреться не могут. Им с нами будет неинтересно.

– У них l'amoure.

– Понимаю, что я, совсем дремучий, что ли? но только это – эгоизм в чистом виде. Они живут друг для друга, окружающие для них – пустое место.

– а для того чтобы поддержать компанию, нужен особый талант.

– вот как у нас с тобой, – и они дружно рассмеялись.

Чета рыбакиных на вечеринку не пришла. Толик заменил в карауле заболевшего Москаленко, а его фронтовая подруга, оставшись одна, нашла повод отказаться. Может, и правда у нее голова заболела?

– Ну что вы придираетесь к человеку? Мигрень у нее. – Ирина пыталась сгладить возникшую неловкость.

– Ага, в двадцать лет уже мигрень. – Лена Маркова, как хозяйка, обиделась для приличия, но и без этого она не собиралась так легко соглашаться с внезапными болячками своей товарки.

– Это в любом возрасте может случиться.

– Когда в такую классную компанию приглашают, не может, – поддержал Марков жену, – если только она не крутит шашни с армянами. Видели ее пару раз у часовщиков.

– Миша, так нельзя, это же сплетни. И потом, она – сама часовщик, профессиональный интерес. Она, наверное, на работу хочет устроиться.

– Конечно, профессиональный! – съязвил Марков на последнем слове.

– А по-моему, у Рыбакиных все в порядке. Они хорошо выглядят вместе, всегда улыбаются. Особенно Толик.

– Да, «полковник» – мастак производить хорошее впечатление.

– Может быть, у них любовь такая. Пламенная. Им постоянный стресс нужен.

– Ну вы, Ремизовы, даете!

Всем стало легко и весело. Выпили по одной, по другой рюмашке, что бог послал. Офицерам бог обычно посылает водку, женская часть потребовала себе токайского. Потом вчетвером водили хоровод вокруг праздничного стола, на котором стояла и маленькая елка. Ирина по причине стройной фигуры стала Снегурочкой, Марковы от себя выставили Деда Мороза. Мир в этой комнате был неестественно нормальным, душевным, в нем не осталось нерешенных проблем, а все страхи отодвинулись в далекое, в неопределенное завтра.

У Марковых в семье все выглядело основательным, надежным, они удивительно соответствовали, подходили друг другу, дополняли себя и духовно, и в каком-то смысле материально, в общем, они были именно единым целым.

– Мать, подавай десерт! – Марков под хмельком по-хозяйски вальяжно отдавал распоряжения, предвкушая, как он будет потчевать гостей тортом «Наполеон», по части которого его вторая половина являлась крупным специалистом, как он считал.

– Да, Мишенька, уже бегу, командир мой ненаглядный, зайчик мой солнечный! – Так называемая «мать» и не думала двигаться с места, заглядывала мужу за сползшие на нос очки. – Два моих солнечных зайчика, – и она звонко рассмеялась.

– Мать, ты того, ты что, надо мной смеешься, что ли?

– Это потому что я тебя очень сильно люблю.

Марков слегка оторопел от неожиданного признания, стал маслянистым и пластилиновым, а если на боксерском сленге, то *поплыл*.

– Ну, Марковы, вы тоже даете, вот это чувства!

– А вы думали! Аленушка, котенок мой, станцуй им танго. Ты же настоящая Айседора Дункан.

– Миш, танго вдвоем танцуют.

– И Есенин, кроме русского вприсядку, ничего не умел. И очки не носил, – ернически добавил Ремизов.

– Зато какая любовь у них была!

– И чем все это закончилось?

– Чем-чем, вот Есенин следом за своей любовью в Америку и уехал. Тогда с выездом проблем не существовало. Не боялись, что сбежит, а сейчас бояться. Вдруг кто правду рассказывать станет про то, как мы живем?

– А что, разве мы плохо живем? Вот мы с Ириной – очень хорошо.

– И мы хорошо. Лучше всех! – Мишка обхватил свою пухленькую жену и с наслаждением, сочно начал ее целовать. У них это получалось очень вкусно. Ремизовым тоже захотелось, пример оказался заразительным.

– Марковы, а не найдется ли свободной комнаты в вашем бунгало?

– В нашем бунгало, то есть шалаше, место для влюбленных есть всегда. Можете располагаться на соседнем диване.

– А что вы будете делать? – Лена загадочно и томно улыбнулась, как бы размышляя, стоит ли предоставлять этой парочке диван.

– Как что? Заниматься любовью.

– Правда? Как интересно!

– Артем, ну ты что говоришь такое? – Его половина, удивленная таким нахальством, густо покраснела. – Бесстыдник. Уйди, противный.

– О-о. Это самые замечательные слова о любви.

– Миша, у Ремизовых томление страсти.

– Марковы, вы все перепутали. Любовь и страсть – разные вещи. Так вот, любовь – это обожание, когда таешь как свеча, а страсть – это взрыв эмоций.

– Интересно, кто и кому тут завидует...

В ночном Термезе прохожие попадались редко, даже в центре. Уже закрылись оба ресторана, их последние самые горячие посетители разобрали немногочисленные такси и разъехались по домам. В основном это были офицеры гвардейской мотострелковой дивизии и рыночные торговцы, чьи горы и залежи дынь, персиков, гранатов все никак не могли закончиться даже в конце декабря. Кому машин не досталось, шли пешком по пустынным улицам, пели русские песни, а и без того редкие городские автобусы после одиннадцати ночи отсыпались в своих гаражах. Тихий, умиротворенный город блаженствовал в ожидании воскресных сновидений.

Марковы провожали своих гостей. Девчонки ушли вперед, о чем-то болтали без умолку, хихикали. Их мужья, шедшие сзади, никуда не торопились, курили.

– Ну что, Миш, Афган скоро. Слышал?

– Слышал. Только что-то меня не возбуждает это путешествие, – он задумчиво затаился, – да и о переброске полка за речку четыре года говорят. Как началась эта возня, с тех пор и говорят.

– В Ташкент приказ пришел о подготовке, и не всего полка, а только нас, пехоты. Танкистов и спецподразделения оставят здесь. Приказ – это серьезнее, чем разговоры.

– Ирке сказал?

– Нет. А ты?

– И я не сказал. Зачем заранее. Да и вдруг обойдется? Мало ли что.

– Может, и обойдется. Только меня тут все достало. До тошноты. – Ремизов бросил сигарету и характерным движением провел рукой по горлу. – Вот где у меня этот образцовый полк с его образцовым командиром.

– Думаешь, там будет лучше? Ты оптимист.

– Двадцать один год как оптимист. Кстати, что ты там про жену Рыбакина говорил?

– Да к армянам она что-то приклеилась. Видели ее у этих часовщиков в павильончике, слишком веселая была, как будто ее за задницу щипали. Вот и весь ее профессиональный интерес.

– Толик знает?

– Что-то знает, что-то нет. Сам разберется, у него для этого голова есть. – Марков отмахнулся, закрывая тему. – Смотри, какой шикарный палисадник.

– Тоже мне, нашел палисадник у здания обкома партии.

– Ну и что. Какие розы!

За низкой декоративной оградой среди ухоженных шаров туи и можжевельника торжественно возвышались розовые кусты. Они действительно были потрясающе прекрасны. Огромные роскошные бутоны бордовых, красных, чайных роз под ночными звездами и робкими неоновыми фонарями откровенно дразнили удивленных лейтенантов, бывших еще и рыцарями своих дам.

– И они просто так растут? Как анютины глазки? Чудеса. – Ремизов восхищался. – На дворе декабрь, а они просто растут. Может, они никому не нужны?

– И я об этом подумал. Нам же много не надо, правда?

– Конечно, не надо. Значит, решено. Сначала разведка, потом – акция. – Они осмотрелись, нашли пути отхода среди поросли дикого кустарника, за которым начинались неосвещенные переулки. Вокруг сонное царство, нигде ни души, можно было приступить к делу.

– Давай по одному. Ты начинай, а я на стреме.

– Они колючие, кусаются, как собаки, – уже из палисадника, срезая ножом стебли, зашипел Ремизов, – им никакая охрана не нужна.

Девчонки даже не заметили, что их сопровождающие отсутствовали несколько минут. А когда запыхавшиеся кавалеры вручали им букеты роз небывалой красоты, они были по-настоящему изумлены.

– Господи, как красиво!

– Не может быть, это невозможно!

– Розы? Двадцать седьмого декабря? Это же чудо!

На щеках Ирины тоже цвели розы и от токайского, и от холодной декабрьской ночи, и от того, что только ее муж мог придумать такой невероятный подарок. Мишке Маркову куда до него, что бы там ни думала ее подруга, он, Артем – единственный.

– А где благодарность?

– Да, да, за все колючее и красивое надо платить.

* * *

– ... По машинам! – Отдав боевой приказ на марш, подполковник Усачев окинул хмурым взглядом колонну и, ссутулившись, молча направился к своей командирской машине. Прямые брови, римский профиль, твердый взгляд заранее давали ему преимущество в любом споре,

а широкие, развернутые плечи уверенно хранили крепость, хотя и им не под силу держать удары, когда их наносит сама судьба. Усачеву определенно не нравилось все это. И сама так называемая командировка, и эта богом забытая страна, и батальон, который ему вручили две недели назад и в котором он еще не разобрался.

Надо же, подставили. У кого-то состояние здоровья, у кого-то дядя в Москве. А то, что ему самому скоро сорок стукнет, никого не волновало. То Забайкалье, то Туркестан... Дети школу заканчивают, старшего летом куда-то устраивать надо. Жена опять без работы, опять смотрит на него, как на виновника всех своих бед. А разве не так? Столько проблем! И кто их решит, пока он в этой яме. Этим-то молодым что, вот они, побежали к ротам и взводам, попрыгунчики, им война что экзотика, прогулка за впечатлениями. За спиной никаких якорей, мир что книга открытий, и никто не ждет от него подлости. А надо бы.

Он поймал себя на мысли, что намеренно или нет, но отодвинул на второй план свое военное предназначение, то, к чему так долго готовила его служба. Нет, он не работяга или инженер с завода, не бухгалтер, не директор заштатной конторы – он командир, и его батальон – тактическая единица, изначально созданная для ведения войны. И если он, комбат Усачев, позволяет себе слабость, то кто же тогда подумает о стране? Страна – это ведь тоже люди, много людей, народ, а он сам из тех, кто поручился за безопасность своей страны, народа, и как в древние времена возглавляет сегодня дружину князя, защищая от набегов кочевников русскую землю. Кочевников и на наш век хватит. Да и концепция за последнюю тысячу лет не слишком изменилась, Усачев усмехнулся: бить врага на его территории не ново. У Вещего Олега, у Святослава это неплохо получалось. Сталин нарушил традицию, шума много, а суть – пиррова победа. Теперь получится? Это – большой вопрос. Афганцы нам не враги, а угроза на наших южных границах нарастает, она реальная. Так к чему лишние переживания? Он – комбат, и его выбор сделан давным-давно, в такие же лейтенантские времена. Эх, знал бы прикуп, жил бы в Сочи.

Усачев снова посмотрел на своих командиров рот и взводов, седлавших боевые машины. «И что мне с ними делать?» Вопрос был риторическим, так случается, когда ответ заранее известен, но именно это и страшит. «Воевать – вот что, а то распустил упряжь... И жаловаться некому, никто не посочувствует, – он поругивал себя иногда, и от этого становилось легче, во всяком случае, становилась понятнее собственная слабость. – У каждого своя судьба. И ничего не изменишь. В этом и дело».

Взревели двигатели, машины поочередно приседали на корму, выбрасывали из-под гусениц щебень и с легкостью выкатывались на серое полотно асфальта. Сладкий запах дороги ударил Ремизову в нос, нравился ему этот армейский парфюм. Еще один день марша. Теперь пойдет населенная зона, надо быть внимательней, могут быть и диверсии, и засады, и мины на обочинах. Приятная, щекочущая нервы тревога волнами перекатывалась под кожей, возбуждала.

Колонна, набрав установленную скорость и оцетинившись в обе стороны стволами 30-миллиметровых орудий, рвалась сквозь южные широты. Если бы не старые ГАЗ-66, снятые с хранения, шли бы еще быстрее, но они не только не тянули на подъемах, так еще и ломались. Шуршание в наушниках стало привычной музыкой, а внутри тела поселилась устойчивая вибрация.

Сквозь монотонные дорожные шумы взводный услышал сзади частую орудийную стрельбу, быстро оглянулся. А-а, этот чертов татарин, командир шестой роты, решил попробовать свою пушку и, нимало не сомневаясь, дал несколько коротких очередей по ветхой постройке, стоявшей на небольшом расстоянии от дороги. Домишко окутался пылью и присел на один бок, следом рассыпалась и крыша. «Ну Равиль дает, ему кажется, что в этой стране можно все. Услышал бы комбат, он бы ему самому дал. А вдруг там люди? У каждого осколоч-

ного снаряда девятиметровый радиус поражения, а убойные осколки летят еще дальше. Все ли там в порядке с головой?»

– Это у тебя не все в порядке, – бросил ему на привале Гайнутдинов, – с печки, что ли, упал? Здесь война, а не детская песочница. Случись что, так и стрелять никто не умеет. Мы когда получили машины – неделю назад? И что, ты многому научился за неделю? Раньше-то «двойки» видел? Ну и не задавай дурацких вопросов.

– Но, Равиль... – Ремизов опешил, он и не думал, что на его вопрос есть такой обстоятельный ответ.

– Ты про людей, что ли?

Конечно, тот понял, о чем идет речь, но его распирило нахлынувшее ощущение силы, и он не мог ему противиться.

– Могут быть и издержки, я и говорю, что война. Лучше их, чем нас. – Он победно улыбался, и все в его объяснении казалось простым, вот только люди с их обыденной жизнью почему-то не укладывались в этот практичный расчет. Видя, что мальчишка-лейтенант так и не понял его аксиомы, Гайнутдинов продолжил уже более доверительно: – Вообще-то, я увидел зрачок прицела не то снайпера, не то гранатометчика и действовал по обстановке.

– Врешь.

– Может, и вру, что ж с того? А может, и не вру.

– Дешево ты людей оцениваешь, а если и тебя так же оценят?

– А меня так и оценивают. С той стороны прицела. Ты понял, гуманист?

Еще одна заноза засела в самом сердце, а может, и не заноза вовсе. Привыкший к твердым правилам и распорядку жизни, Ремизов не мог понять, что кто-то другой, такой же как он, мог по своему разумению все изменить в этой жизни, не оглядываясь на вчерашний день с его суровыми запретами. Как будто того дня не существовало вовсе.

По новым правилам выходило, что жизнь с этой стороны границы ничего не стоит. Как оказалось, противопоставить татарину нечего, и дело не в заурядной стычке. Здесь все было не так, начиная с того пещерного старика у дороги, с убогих глинобитных домов Ташкуртана, с босоногих детей, любопытными взглядами провожавших колонну. Ремизов вздрогнул, дети – а их много сбегается к дороге – смотрели на солдат исподлобья, с тревогой, и уж точно никто не размахивал руками, посылая привет. Это другой мир, свое место в нем надо завоевывать, чтобы суметь защитить себя, отстоять, когда придет срок.

И он менялся... Армия методично выбивала из него мягкотелость, как бы подготавливая к следующему акту судьбы. Выработанная им за полгода жесткость еще не стала жестокостью, а волевые решения – средством унижения слабых, но в его поступках все чаще чувствовалась резкость, а иногда и агрессия. Был ли он готов во всех смыслах *пройти по трунам* и для самоутверждения, и для того, чтобы просто выжить? Ремизов этого не знал, но зато мог точно сказать, что он по-настоящему ненавидел. Ничего нового – несправедливость, только и всего. При таком раскладе этому лейтенанту, юнцу, следовало объяснить, что такое справедливость в новых условиях, дальше он все сделает сам. А ненависть не даст ему остановиться, пока в его теле теплится жизнь.

Гайнутдинов хищно улыбнулся и, уже уходя, процедил сквозь зубы:

– Лучше позаботься о своей шкуре, а там посмотрим, кто и сколько стоит – Он был старше на несколько лет и на многие вещи смотрел иначе.

К ночи вошли в Пули-Хумри. Шел дождь, потом он превратился в ливень. Машины тремя колоннами подходили на стационарную заправку. Механики под потоками воды выскакивали из люков, месили глинистую жижу, вставляли толстые шланги в горловины баков... Сыро, холодно. После дневной жары остро чувствовалось приближение гор, это они останавливали теплые потоки воздуха, охлаждали их и заставляли проливаться затяжными дождями. Март – он и есть март, а в России сугробы только оседают после долгой зимы.

Ремизов с наводчиком-оператором Маратом Турановым ужинал в башне машины консервами из сухого пайка. Зануда-желудок наконец-таки успокоился, ему в топку сегодня годилось все: и холодное мясо с жиром, которое иногда бывает самым вкусным мясом на свете, и сухари из ржаного хлеба, и сахар вприкуску с холодной водой из фляги. Это дорога – весь день в люке под солнцем, под встречным ветром, а теперь и под дождем, поэтому с небольшими перерывами и есть хотелось почти весь день. Туранов стеснялся командира, в нем чувствовалось привитое с детства уважение к старшим, природная сдержанность, а они вот уже двое суток трутся плечо о плечо в башне БМП. Хороший наводчик, он за неделю разобрался в устройстве орудия, в электрооборудовании, а на единственных стрельбах поразил все мишени, отчего командир взвода испытал и удовлетворение, и некоторую уверенность в их общей безопасности.

– Туранов, ты что мясо не ешь? Хватит скромничать. Мы не дома – на чужбине, а впереди долгий путь.

– Товарищ лейтенант...

– И не оправдывайся. Холодное, правда, но не нам выбирать...

– Мы в следующий раз банки на костре разогреем.

– Разогреем, да... Кончился бы этот нудный дождь. Льет, как осенью.

Дождь продолжал все так же монотонно стучать по башне, по триплексам, сырость просачивалась сквозь уплотнители башенных люков, пропитала воздух, набухла крупными каплями на внутренней обшивке машины. Постепенно стала влажной и холодной одежда. А в триплексах все тот же туман, обволакивающий мокрую колонну, разбухшую землю под гусеницами и синие струи дождя.

– Ты вот скажи, что в Коране про свинину написано и как узбеки к этому относятся? Я, например, нелепых запретов не понимаю. Мясо как мясо, обычная еда, а если для кого-то жирная, так это совсем другое дело. Мы, русские, северный народ, у нас таких ограничений нет. Иначе в старину среди снегов и морозов не выжили бы. Самой большой ценностью всегда были хлеб и соль.

– В Коране много чего запрещено, кто-то соблюдает все, как написано, кто-то нет. Вино вот тоже пить нельзя. Но в жизни многое изменилось, и Аллаха не все почитают, и обряды не соблюдают.

– Хм, и в России Бога ни во что не ставят.

– А свинья считается грязным животным, поэтому ее мясо есть нельзя. Правда, на войне или в пути этот запрет с аскера, воина и со странника снимается. Товарищ лейтенант, а мы ведь на войну едем?

– Да, Марат, на войну. На твою долю полгода достанется, осенью – домой, а вот молодым – на полную катушку. И мне с ними за компанию – долгая канитель.

Назавтра предстоял перевал Саланг. Про него говорили много, самый высокий тоннель в мире – три тысячи пятьсот метров над уровнем моря, – несколько километров длиной, несколько галерей. Наверное, он хорошо охраняется, если «духи» до него до сих пор не добрались. Подходили к нему настороженно. Дорога, завязанная в крутой серпантин, на подъеме, на всем протяжении скалилась обрывами и пропастями, заглядывали в них с восхищением и ужасом. Усачев опасался за своих механиков: никто из них не был знаком с серпантинном, а их удовлетворительные оценки за вождение на полигоне не давали ему никакой уверенности. Первый раз, как экзамен. Тем не менее никто из них особенно не дрейфил. Отдавая перед выходом боевой приказ, комбат каждому механику-водителю не в глаза, а в душу заглянул: «Дисциплина на марше! Дистанция! Скорость! На обочину не съезжать – в грунте могут быть мины!» Высокого роста, он смотрел на механиков сверху, из-под сдвинутых у переносицы бро-

вей, яростно сверкая зрачками, и его слова доходили, куда нужно, аж до самых печенок. Что тут скажешь, комбат внушать истину умел.

Не любил он дороги. Словно терял одну точку отсчета жизни и не приобретал другой, зависал в пространстве, во времени, в паутине нервных клеток. Дорога для него всегда была неопределенностью. Раньше монотонный стук вагонных колес вызывал у него приступы какой-то неисследованной аллергии, теперь же его раздражала эта незнакомая трасса, на которой то и дело встречались разбитые и сожженные машины. Он не чувствовал точную степень риска, не был уверен в возможностях своих офицеров и с тревогой ожидал каждого крутого поворота, каждой нависающей скалы. Представитель штаба округа ему доходчиво объяснил, что их будут вести от поста к посту, там люди грамотные, обкатанные, что разведывательные сведения показывают благоприятную обстановку. Конечно, с такой броневой мощностью мало кто захочет связываться, но... Надо добраться до новой точки отсчета, и все встанет на свои места.

На комендантском посту у Саланга их остановили. Старший лейтенант в белом шлеме с буквой «К» подошел к комбату, представился.

– Товарищ подполковник, нас ориентировали на ваше прохождение, надо будет подождать. Очистим для батальона тоннель, тогда и пойдете. Должен напомнить меры безопасности. Строго выдерживать дистанцию. Случится затор, сразу глушить двигатели, вентиляция слабая, люди могут угореть. При выходе из тоннеля не останавливаться, пока не выйдет вся колонна. Трасса с той стороны будет чистой, получу сигнал, дам вам отмашку, тогда – вперед.

– Хорошо у вас дело поставлено.

– Таков порядок, – офицер улыбнулся после неожиданной похвалы, – а как иначе?

– Много техники в день проходит?

– Хватает, мы их колоннами считаем, но, в общем, тысячи машин. Наши армейские колонны организованные, само собой порядок есть, а вот с афганцами беда. Машины у них старые, обогнают друг друга, а начнут выяснять отношения – базар настоящий.

– А насчет безопасности как тут?

– Все надежно. Слишком большая высота. Духовские наблюдатели, конечно, пасутся, радиоперехват идет ежедневно. Другое дело на подъемах и спусках, особенно на южном Саланге, там бывает жарко...

Прошли! И сразу отлегло от сердца. Даже солнце стало светить иначе, по-весеннему задорно и радостно. Во власти предчувствий Усачев ожидал чего-то страшного, словно тромба в сосудах и инфаркта, и вот оно не свершилось. Колонна, гулко стуча клапанами дизелей, крадучись сквозь желто-синий туман, вынужденная дважды останавливаться в тоннельных переходах, наконец-таки вырвалась из горной утробы. Как обычно, помотали нервы «газоны» минометной батареи, двух пришлось тащить на тросах, когда они заглохли, их моторам, снятым с консервации, не хватало воздуха. Командиры с трехминутным интервалом доложили о прохождении галерей, последним подал голос в эфире зампотех Петрович, его тыловое замыкание с тягачами шло последним. Значит, все. Пехота справляется, грех жаловаться, первый экзамен батальон сдал. Повеселевший Усачев наблюдал, как на поворотах, на спуске приседают на передние катки и заносят корму его машины – оказалось, они умеют писать эти чертовы выражи. Он настраивался на худшее, как обычно, лучше быть готовым к испытаниям, тогда они не застанут врасплох.

В ожидании прохода батальона на встречной полосе, на обочине, растянувшись на долгие километры, томились десятки и сотни автомашин загадочного происхождения. Как ни странно, судя по фирменным знакам на радиаторах, это были «Мерседесы», «Тойоты», КамАЗы, ЗИЛы, но все остальное обличье говорило за балаганные повозки огромного бродячего цирка или цыганского табора. Почти поголовно разбитые, они не имели и определенного цвета, а буквально пестрили радугой соцветий, фотографиями индийских актеров, украшениями из бархата на стеклах, надписями арабской вязью, надстройками на кабинах и кузовах. Каждая такая

машина, бурубухайка, представляла собой как минимум картину, а весь ее цыганский антураж – непременно гордость хозяина. Водители сидели на корточках вдоль обочин, оживленно беседовали, с интересом наблюдали за новенькими БМП. Их ожидание могло быть долгим, они это знали, потому что все на дороге подчинено законам войны, а их дело – доставить груз по назначению и при этом не получить случайный осколок или пулю. Разного возраста, холостые и женатые, они были солдатами этой дороги.

Теперь впереди расстилалась дурмящая весенними запахами зеленая долина, земля обетованная, городок Джабаль-ус-Сарадж, лежавший у подножия хребтины Гиндукуша, а дальше и Чарикар, крупный населенный пункт, перед которым Усачев планировал сделать привал для колонны. Но все вышло иначе.

Еще неясные уху, где-то за изгибом трассы раздались глухие взрывы. Комбат дал короткие указания головной походной заставе сбавить обороты, усилить наблюдение и быть в готовности открыть огонь. На всякий случай... А внутри приятно похолодело. У него всегда так случалось перед принятием серьезного решения, сжимается пружина, собирается в плотный комок воля, в голосе появляется твердость и уверенность, ход мыслей становится четче и определенной. Уже где-то ближе и более различимо разорвался снаряд, судя по всему, танковый.

– «Канат-200»! – полетел по радиоволнам циркулярный позывной батальона. – Я – «Коломна», дистанцию не сокращать! Наблюдать в секторах! Быть в готовности к открытию огня! Дисциплина в эфире!

Мамаев коснулся его плеча, а потом наушников на своей голове:

– «Ведущий» на связи, на своей частоте.

– Давай сюда, – он взял шлемофон связиста, – я – «Коломна», прием.

– Я – «Ведущий», остановите «коробочки», впереди бой, там разберутся без вас. Ждите моих указаний. Прием.

– Вас понял, прием, – и, обернувшись к Мамаеву, крикнул ему в ухо: – Всем стой, дистанция десять метров, на обочину не съезжать! Вести наблюдение.

Колонна встала. Не далее чем в двух-трех километрах в «зеленке» поднимались облака коричневой пыли от разрывов снарядов, в разные стороны разлетались куски стен и земли, лохмотья виноградной лозы, ухали орудия, и в паузах между выстрелами слышался дробный стук крупнокалиберных пулеметов. Водители афганских машин, побросав разукрашенные колымаги, убежали от дороги подальше и прятались в канавах, воронках, опасаясь, что душманы подожгут и их грузовики. Кто знает, что у них на уме. Успокаивало только то, что десятки приземистых боевых машин остановились рядом с ними и, развернув стволы в обе стороны, прощупывали сквозь прицелы каждый дувал, каждую щель или пригорок.

На бронетранспортере к комбату подскочили коменданты.

– Вы «Коломна»?

– Я. Командир батальона подполковник Усачев. А что там?

– Да ничего, все в порядке. Приказано вас придержать до прояснения обстановки, так сказать. Чтоб вы тут без особенной инициативы, а то мало ли что...

– Не понял.

– А что тут понимать. Бывали разные случаи, тельник на себе рвут, рукава засучивают, так сказать, и в бой, а нам потом трупы таскай. Непорядок. Каждый своим делом должен заниматься. – Усатый, немолодой прапорщик в таком же белом шлеме с буквой «К», как тот старлей перед Салангом, объяснял толково, он бы вполне смог работать вахтером в каком-нибудь солидном учреждении или вышибалой в кабаке. – А там что... Там, обычное дело, «духи» на трассе засаду устроили, выпустили две гранаты в машину сопровождения, в БРДМ.

– Ну и... Попадание есть?

– В том и дело, что есть. Первая мимо, вторая – в цель, насквозь оба борта. И головной тягач с топливом подожгли. Они ведь, сволочи, всегда так делают, на самом деле им наливники

нужны. Но пока броню не выведут из строя, за колонну не берутся. Так что вы застряли, придется обождать.

– А что с экипажем БРДМ?

Комбату не хотелось перед таким маститым прапорщиком и сержантом казаться сентиментальным новобранцем, но этот вопрос вырвался у него сам собой, со смесью тревоги и любопытства в голосе, прапорщик говорил о событии и ничего – о людях.

– Есть потери, куда же тут без них. Водитель, так сказать, как всадник, то есть без головы, угораздило парнишку, наводчика посекло осколками, командир взвода сопровождения жив, вообще-то чудом уцелел.

– Это что, тоже обычное дело?

– Да нет, не совсем. Обычно гранатометчик не успевает зарядить вторую гранату. – Комендач так и не понял вопроса и продолжал рассказывать азбуку дорожной войны. – По ним, скорее всего, два расчета стреляло. А может, и башенный наводчик замешкался, не успел ответить. Вот вас бы не стали трогать. У вас тут столько орудий, вам полминуты хватило бы, чтобы на пятьсот метров от трассы все выбрить начисто. Они же не самоубийцы, они ведь что, они деньги зарабатывают. Тем более что здесь таких машин, как ваши, мало.

Усачеву не приходилось раньше оценивать истинную огневую мощь своего батальона, и слова прапорщика-комендача для него прозвучали настоящим открытием, это согрело.

– С тобой поговоришь – всю обстановку разведает.

– Так ведь дорога. По ней и машины, и грузы, и все новости движутся, так сказать. В одном конце аукнется, в другом – откликнется. Да, ничего, товарищ подполковник, пообвыкнете, оно все проще станет. А что до душманов, сильных они не трогают – они слабых бьют. Это же как два пальца... Ну вы поняли.

– Но чтобы ответить на выстрел, надо увидеть, откуда стреляют?

– Это, как придется, а главное – не слишком много думать. Выстрел гранатомета, конечно, видно, но здесь другие правила. Жизнь, она учит. Увидел – не увидел, неважно – бей, так сказать, пока цел. На огонь надо отвечать немедленно, по направлению или в секторе стрельбы сразу со всех стволов.

– Короче, кто под гребенку попадет...

– Выходит, что так. А как по другому-то? По-другому не выживешь, сожгут.

Этот прапорщик, случайный встречный, которого завтра он, возможно, даже и не вспомнит, читал ему, как с листа, как Библию, основы нового мироздания, просвещал, под руку вводил в грязный храм войны. Война не ведает корысти, она честна и открыта, на войне враги знают друг друга в лицо. Но если она примет твою молитву, твою веру, то, ради чего ты взял в руки оружие, поможет пережить любую боль и сохранит душу.

– Сам-то давно в этих краях?

– Полтора года уже есть, до дома немного осталось. Без нужды и без повода стараюсь не вспоминать, так оно легче. Но, глядя на вас, свеженьких, как не погрузить. Как там Союз, как Ташкент?

– Все так же. Женщины в юбках, водка – пять-тридцать, в «Заравшане» красную икру дают, скоро каштаны распустятся.

– Эх, хорошо дома! А здесь все, как в кривом зеркале, так сказать, наоборот. И женщины в парандже, и водка – сорок чеков, сумасшедшие деньги, а «зеленка», будь она неладна, лучше б никогда не распускалась. Вот дотяну до сентября – и вперед, домой.

– Ты там быстрее всех нас будешь.

– Сплюньте через левое плечо, на всякий случай, так сказать.

Из-за этого происшествия, из-за сбоя в графике движения и большого затора на трассе «Ведущий» протянул колонну за Джабаль-ус-Сарадж и остановил у КПП, что находилось почти напротив входа в Панджшерское ущелье, здесь и дал команду на привал. Выбравшись из

машин, механики проводили контрольный осмотр, который в пути никогда не бывает лишним. Офицеры пятой роты, разминая ноги, по привычке потянулись к четвертой, в голову колонны, там Козловский уже успел познакомиться с местными танкистами, охранявшими дорогу. Закурили.

– Мужики, говорят, что «духи» нас не ждали, иначе не стали бы у нас под самым носом спектакль устраивать.

– Для них наливники – лакомый кусочек. Горят, как факела.

– Если с соляжкой, то как факела, а если с бензином...

Новый знакомец, танкист без знаков различия на комбинезоне, был не особенно расположен к разговорам, но как не покурить за компанию, когда перед этими желторотыми студентами-первокурсниками он почти профессор с кафедры боевых действий. Бледнолицые, чуть напряженные, нелепые в своей свежей форме, они только-только из Союза и даже пахнут по-другому – домом.

– Представляете, у них дороги начали строить только лет тридцать назад. – Марков процитировал информационный бюллетень, прочитанный перед отправкой в Афганистан. – Здесь шофер был что у нас космонавт, очень уважаемый человек.

– Теперь водилам не позавидуешь. Они – смертники.

Танкист знал, что говорил, перед его глазами каждый день проходили тысячи машин, и все они везли свой ценный и бесценный груз, давая жизнь и людям, и экономике. Именно они и являлись целью душманов.

– Они своего почти ничего не производят. Ну там рис, кукуруза, кишмиш, шерсть, каракуль. Ну это на прокорм, а больше-то ничего, – продолжал цитировать Марков.

– Если ты – мурза, то хватит и на прокорм, и на все остальное, а если ты от сохи, то либо всю жизнь гнись над этой сохой, либо вливайся в рабочий класс и – на дорогу. По-другому не заработаешь, вся страна от дороги кормится. Вот и весь выбор. И все в соответствии с историческим материализмом, – сделал ремарку и Ремизов.

– Положим, «духи»-то на трассу с автоматом да с гранатометом выходят. Тоже, чтобы кормиться. У них совсем другой выбор. Так что, Арчи, на практике расклад получается гораздо тоньше.

Хоффман саркастически улыбнулся, покрутил желтый от табака ус, он всегда знал больше других, может быть, и потому, что много читал, в том числе и иностранную периодику в оригинале, не проходившую цензуру. Может быть, и по другой причине – потому что во всем сомневался. Он умел видеть события с их обратной стороны. С его знанием английского и критическим складом ума получился бы настоящий разведчик-аналитик.

– Кто с тобой поспорит, тот трех дней не проживет.

– В новых условиях эта шутка особенно злободневна. Вот и не спорь со мной. А что, Ренат, там и нашим досталось?

– Досталось. Еще как! Мужики говорят, оба борта насквозь, водителю голову снесло. Вот такие дела. – Козловский оглянулся на молчаливо курившего танкиста, неловко поежился и замолчал, и эта затянутая пауза повисла в воздухе, обдав всех неизвестным прежде холодком, дыханием другого мира, в котором одинокий лодочник, поскрипывая уключинами, переплывал через медлительный и вечный Стикс.

– Это знак местного гостеприимства, – наконец проговорил танкист, – чужаков не любят нигде, а мы к тому же иноверцы, гяуры.

– Мужики, кажется, мы в дерьме.

– Не мы первые.

– Это уж точно! – Хоффман со значением огляделся. – И не последние.

– Взводный этот в рубашке родился. Его здесь все знают, часто с колоннами мотается. Уронил планшет под ноги, наклонился поднять... Удар, пыль, кругом кровяца. Его из машины вытаскивают, а его рвет. Контузией отделался. А если бы не наклонился?

– Да, в рубашке...

– Так и есть, повезло взводному.

– Господь сохранил. Видно, грехов у парня еще мало. Таких случайностей не бывает.

– Грехи – это дело наживное.

– А что мы вообще здесь забыли? – неожиданно вырвалось у Козловского.

– Ренат, какой своевременный вопрос, недели не прошло, как мы в Афгане. – Язвительная усмешка пробежала по губам Хоффмана. – Все познается на примерах. Если ты не согласен, что наше присутствие здесь называется выполнением интернационального долга, могу пояснить ситуацию. Скажу честно, я тоже не согласен. Но эта терминология очень удобна для массового сознания или, если хочешь, для оболванивания людей. Как-то же надо объяснить, зачем мы сюда вошли такой большой компанией. Если бы наша поддержка этим афганским революционерам из Парчам, из Халька оказалась краткой разовой акцией, весь мир проглотил бы ее и не поморщился. Нам бы и Амина простили, на нем слишком много крови. А мы возомнили себя богами и застряли здесь, и теперь это на Западе называют вмешательством, интервенцией и, что хуже всего, – агрессией. Господа из НАТО тоже влияют на массовое сознание своего обывателя, тоже оболванивают. Чтобы понять происходящее, надо исходить из обыкновенной физики. – Хоффман сделал небольшую паузу, оглядывая слегка оторопевших, но заинтересованных слушателей, а потом продолжил: – Природа находится в движении, общество тоже находится в движении, в развитии. И Союз как государство тоже должен двигаться, а самый простой способ движения – расширение влияния. Иначе застой, стагнация и – смерть. До сегодняшнего дня деньги позволяли нам двигаться куда угодно.

– Хоффман, а ты откуда все это знаешь? – Ремизов, пока слушал монолог, все больше и больше удивлялся чуждой для него идее и непроизвольно хмурил брови.

– Вот что, господин лейтенант, – жестко отреагировал Хоффман, – зубрить и учиться – не одно и то же. Так вот, надо учиться. И по возможности слушать радио.

– Это какое же ты радио слушаешь?

– Би-Би-Си. А что?

– Костя, – вынырнул из-за спины Марков, – будешь в следующий раз слушать Би-Би-Си, меня позови, а то в этих бюллетенях сплошной туман, одни цифры. И вообще, что это за место – Баграм?

– Место как место. Был небольшой кишлак, а когда аэродром построили, разросся. Вот и все, – танкист пожал плечами. – Техникум там женский есть, бабы без паранджи по улицам ходят. Здесь это главный признак цивилизации. Иногда шустрые попадают, но лучше с ними не связываться. А так, это наша крупнейшая база, там все есть, даже тактические ракеты. Жить можно, вам понравится.

– Мужики, нам отмашку дают. По машинам.

Вторгаясь в чужие миры

Она знала много властителей, но разве кто-то из них ее любил? Истерзанная, изможденная, заблудившаяся в Средневековье, эта азиатская страна стойко переносила все испытания, выпавшие на ее долю, но никак не могла угнаться за быстро меняющимся миром. На ее календаре шел только 1363 год. Северный сосед ей помог по-соседски, но все построенные дороги, аэродромы, дома, фабрики ничего не смогли изменить в патриархальном укладе жизни афганцев. А их было миллионы. Миллионы неграмотных людей, изо дня в день питавшихся грубыми кукурузными лепешками, для которых плов с бараниной и чай с сахаром были исключительно праздничными блюдами, а все познания об окружающем мире с благословения Аллаха и начинались, и заканчивались на саманной хижине, ветхой сохе и этом самом куске лепешки. Они жили племенами, родами, считали своих эмиров и шейхов данностью, смиренно поклонялись им, как того требовал Коран. Их господа в то время изучали европейские языки, ездили на белых машинах, покупали богатые дома в неведомых странах, отдыхали у теплого моря, их же собственная страна, Афганистан, продолжала оставаться обочиной мира. Вот и теперь преданные своим господам племена и кланы рвут ее на части, отвоевывая себе лучшее место под жарким солнцем. Одни ищут поддержки у Пакистана, Ирана, другие – у шурави, но в итоге все вернется на круги своя, к очередной войне. И на новом витке спирали, словно следуя древнему генетическому коду, все повторится заново.

Закончилось время короля Мохаммада Захир Шаха. Монархия не стала спасением страны, отжила свой срок и тихо отошла в мир иной, так и не сплотив разноплеменный народ. Короля откровенно жаль, при нем случилось все самое лучшее, что пережил Афганистан, при нем страна испытала настоящий экономический подъем. После переворота к власти пришел диктаторский режим Мохаммада Дауда, бывшего премьер-министра, а вместе с ним и «Парчам», таджикское крыло народно-демократической партии. По стране прокатилась волна репрессий и казней. Любая власть, которая опирается только на свою охрану и амбиции, недолговечна. Апрельская, саурская, революция вновь все перевернула с ног на голову, а для начала растерзала в собственном дворце Дауда и его семью. Лидер революции Тараки опирался на поддержку с севера и был задушен подушкой у себя дома по приказу своего же ученика и соратника Хафизуллы Амина, который, в свою очередь, все больше оглядывался на Запад. Под псевдодемократическими лозунгами начал восстанавливаться прежний диктаторский режим, который тем не менее нуждался в спонсорской помощи богатых родственников, как это случилось при Захир Шахе. У кормила власти теперь стояло другое крыло партии, «Хальк», но непостижимым образом не менялась суть правления, в стране снова начались репрессии и массовые казни. Меньше чем за год халькисты замучили и уничтожили двенадцать тысяч заключенных, которых они считали своими идейными противниками.

К этому времени в глухих провинциях, поближе к Пакистану и Ирану, как отторжение преобразований всех последних лет, на саудовских дрожжах набрало силу исламистское политическое течение. Одним из лидеров исламистской молодежи наравне с Хекматиаром и Раббани стал и Ахмад Шах Масуд, полевой командир, прозванный позже за смелость и неуступчивость Панджшерским львом. Теперь это течение питалось еще и законом кровной мести. Замученные и растерзанные взывали к отмщению, а большинство из них были улемами, религиозными учителями, исламисты с полным на то основанием объявили Кабульскому режиму джихад.

К зиме 1979 года узел внутренних афганских проблем затянулся настолько, что его оставалось только рубить. Естественное стремление народа к новой свободе, в то время как диктатор кровью утверждал свою власть, а исламисты насаждали шариат, совпало со стремлением Советского Союза обезопасить свои южные границы. Нужен был повод для вторжения, и он

нашелся. Кто-то же должен был помочь Амину укрепить государство, пока оно не превратилось в опасный неуправляемый хаос, и в том, что помощь будет, диктатор не сомневался, но как же ему не хотелось просить о помощи русских! А он попросил. И не один, а много раз, словно предчувствуя неизбежность прихода к власти исламской оппозиции. Вежливые дипломатические отказы из Москвы его и радовали, и огорчали. Он показывал членам партии, что готов к сотрудничеству с шурави, и в то же время осознавал, что однажды его также задушат подушкой, если они, русские, не придут. Странную позицию занимали американцы. Они, явно заинтересованные в плацдарме рядом с враждебным для них Ираном и в подбрюшьи Союза, не проявляли большой активности и как бы не возражали против интернациональной помощи с севера. Почему?

* * *

Вникать в дела Усачеву пришлось на ходу. Его батальон в составе полка предназначался для вполне определенной задачи: во что бы то ни стало заткнуть одну кровоточащую дыру, а именно Панджшерское ущелье, логово Ахмад Шах Масуда. Отменный полевой командир, боевик с университетским образованием, он обладал внешностью и манерами цезаря, а уж никак не дремучего феодала, его же подразделения только условно назывались бандами, они имели хорошую организацию и контролировали всю территорию на восток от Саланга и до Пакистана. А его прозвище Масуд, «Счастливый», говорило обо всем остальном. Через ущелье Пяти львов он открыто выходил на главную афганскую коммуникацию Хайратон-Кабул. Полку предстояло взять ущелье под свой полный контроль. «Славная задачка, – только и смог подумать комбат, когда услышал это известие на совещании у командира дивизии, – тут либо грудь в крестах, либо голова в кустах». До офицеров батальона эту информацию доводить не полагалось, некоторое время на ней еще будет значиться гриф секретности, хотя бывалым парням из соседних полков эта картина виделась безо всякого грифа. С Панджшером нужно было что-то решать уже давно.

В палатке штаба батальона все строго, точно, все по норме. Походная кровать для отдыха дежурного, застланная простынями, складной рабочий стол с радиостанцией и полевым телефоном, металлический ящик – сейф с картами и документами батальона, две лампы электрического освещения, керосиновая лампа, столы и стулья для служебных совещаний – вот и все убранство, регламентированное, как и вся армейская жизнь. Жизнь и регламент. Кажется, они несовместимы, в этом сочетании совершенно нет места свободе, но стоит ли размышлять о своей свободе, когда ты, не задумываясь, отбираешь ее у других, у своих офицеров, солдат, насаждаешь дисциплину. Зачем? Ну это просто. Боевую задачу способно выполнить только обученное, организованное подразделение, в котором воля и власть отданы одному человеку – командиру. То есть ему, Усачеву. Однако и сам он никак не мог привыкнуть к тому, что его дни оказались замкнуты четырьмя точками круга: комнатой в офицерском модуле, вот этой палаткой рядом с пыльным земляным плацем перед расположением батальона, парком боевых машин и стрельбищем. Одно дело – выехать на учения на считанные дни, и другое – на неопределенный срок, конец которого теряется за горизонтом, в фиолетовой дали. Но стоит только идентифицировать жизнь как службу, и все встанет на свои места. И круг разорвется, и будет все иначе. Уже скоро.

– Товарищ подполковник, за время вашего отсутствия в батальоне происшествий не случилось. Личный состав находится на занятиях в районе стрельбища. Дежурный по батальону лейтенант Рыбакин, – опустив руку после четкого приветствия, дежурный замолчал в ожидании распоряжений. Этот парень располагал к себе Усачева. Хороший офицер, ладно скроен, уравновешен, организован сам, сумеет организовать и службу. Может пойти дальше других, волевой взгляд, уверенность в себе – есть в нем что-то. Лишь бы уверенность не переросла

в самоуверенность, комбат уже видел в своей службе, как это бывает и чем заканчивается. Стремление быть лучшим не должно быть выше готовности отвечать. Во всяком случае, он связывал с ним надежды, всегда должны быть те, кто способен заменить командира роты в час «икс», в шестой роте такой офицер есть.

– По возвращении с занятий собрать всех офицеров здесь, в штабе. Иметь блокноты для записи. Это все. Можете идти отдыхать.

– Товарищ подполковник, разрешите вопрос?

– Ну давай, слушаю.

– Мы ведь здесь не затем, чтобы полигоны уютить, как в Термезе... Говорят, что нас скоро в горы двинут. Правда это?

– Рыбакин, черт тебя дери! Все слухи по гарнизону собрал! Больше выдержки, лейтенант, будет срок, доведу. – А про себя еще подумал: «И на твой век дерьма хватит».

– Товарищи офицеры! – Усачев медленно окинул взглядом офицеров батальона. – Мы приступаем к выполнению боевой задачи. Это и есть наш интернациональный долг. Прошу не путать идеологию и обыкновенную армейскую службу. Вооруженные силы призваны защищать страну, и совсем необязательно это делать на своей территории. На изучение местной обстановки, афганских обычаев, на знакомство с гарнизоном и общую рекогносцировку, на слаживание подразделений командир дивизии отвел нам три дня. Начиная с двадцать второго марта каждую ночь в течение недели ротами и усиленными взводами ходим в засады, отсекаем тропы, ведущие в соседние кишлаки. Задерживаем всех ночных бродяг, а тех, кто не сдастся, – уничтожаем. Задача реальная, но, как сказал комдив, она скорее психологическая, люди должны привыкнуть к обстановке и быть в готовности выполнять более серьезные задачи. Начиная с апреля – срок будет уточнен – оказываем поддержку подразделениям, блокирующим трассу Саланг-Кабул. Вплотную займитесь своими ротами и взводами, изучайте личный состав. Вы сами и люди должны четко уяснить, что учеба, какой она была в Союзе, закончилась, здесь все должно быть подчинено предстоящим боевым действиям. Начальник штаба, доведите до офицеров распорядок дня гарнизона, расписание занятий и прочие организационные вопросы.

Во вступительном слове комбат был краток, не имело смысла заменять словами то, в чем он сам еще не разобрался, да и невозможно заменить словами этот дух войны, который здесь жил во всем. Он впервые присутствовал на армейском пиршестве, где все, включая гражданский персонал, подчинялось распоряжениям военного руководства, где долгие и пустые обсуждения заменены четкими решениями по всем вопросам, начиная с топки казарменных печей до нанесения массивных ударов по скоплениям душманов.

Начальник штаба батальона капитан Савельев обладал отменными организаторскими способностями, умел принимать решения, доводить их до конца, в нем чувствовалась военная косточка. Его волевое лицо с твердым взглядом, поджатыми губами, спортивное телосложение только подчеркивали его жесткий характер и требовательность, но при этом он мог легко перейти на «ты». Кроме того, Савельев был умен и неболтлив, и если высказывался, то по существу.

– Товарищи офицеры, мы вошли в состав 108-й мотострелковой дивизии, ее штаб дислоцирован здесь, в Баграме, два полка – в Кабуле, один – в Чарикаре, а на базе бывшего танкового сформирован наш мотострелковый полк. Основная задача дивизии – ведение разведывательно-поисковых операций, уничтожение обнаруженного противника, а также охрана коммуникаций и объектов...

После совещания комбат и его начальник штаба остались в палатке одни.

– Ну что, Александр Степанович, будем воевать, – то ли утверждение, то ли вопрос, а может, и что-то третье скрывалось в словах Усачева, например сомнение. – Как будем воевать? – Спокойный, буднично-голос командира дивизии все еще звучал в его ушах, вместе

с этим чуть хрипловатым голосом передавалась и уверенность в том, что задача выполнима. Первая в его жизни боевая задача.

– Повоюем, – невозмутимо ответил Савельев, – нам ли, русским, привыкать к азиатским походам?

– Ты прав, не привыкать... Мы бы этой войны все равно не миновали. Американцы стараются. На все изгоги пойдут, чтобы вытянуть из нас жилы, обескровить, заставить людей бояться за себя, за будущее. А тут война. Самые сливки. Афганцы с их проблемами Штатам не нужны, они – жертва мировой политики, заложники. Они и вся их страна – сыр в мышеловке. Мы им стали помогать – вот мышеловка и захлопнулась. Удивительно, что наши старцы в Политбюро этого не просчитали.

– Хорошо ли, плохо ли соображают наверху, не мне судить, но здесь армия наконец-то занимается своим делом. Столько десятилетий длится «холодная» война, и чтобы не искрило? Так не бывает. Даже странно, что мы не влезли в войну раньше, где-нибудь в Сирии или в Египте.

– Так ты поддерживаешь наше присутствие здесь?

– Я бы сказал по-другому. Если этого миновать нельзя, то надо действовать.

– Ага, я тебя понял, начальник штаба. Маленькая победоносная война... ну и так далее. – Усачев растянул губы в хитрой улыбке, но потом стер ее с лица. – Я только что закончил знакомиться с офицерами батальона. Наши взводные – зеленые лейтенанты. О солдатах и не говорю. Это они обеспечат нам победоносную войну?

– Другого не дано. Они обречены на войну, как на неизбежность. Полк в последние годы стал перевалочной базой. Только придет пополнение – следом разнарядка, вот и получилось, что в строю одни лейтенанты последнего выпуска. Прифронтовой полк – и судьба его прифронтная. Ну а что до личного состава... – Савельев задумался. – Игры в боевую готовность закончились. Прежние оценки ничего не значат. Чего мы стоим, покажет реальная обстановка. Панджшер.

– Не поздно ли будет?

– Если поздно, то мы об этом узнаем первыми.

Центр Вселенной переместился в Баграм. Такой потрясающей активности военной жизни Ремизову видеть еще не приходилось. Баграмскому гарнизону был сродни разве что город районного масштаба, но тот с сумерками засыпает, а здесь все как будто только начинается. Тысячи людей двигались в едином ритме, как однажды заведенный и хорошо отлаженный механизм. На аэродроме круглосуточно с небольшими интервалами взлетали и садились штурмовики и вертолеты, их раскатистый гул сменялся залпами реактивного дивизиона и артиллерийских батарей, наносивших удары по дальним целям в Баграмской или Чарикарской «зеленке». Мото-стрелковые, разведывательные роты серыми колоннами уходили в рейды и возвращались из них, танки и бронированные машины занимали окопы и дежурили на трассе Кабул-Саланг. Все это время походные кухни варили солдатскую кашу – система функционировала без сбоя. Батальон легко и даже незаметно стал частью этой системы, словно растворился в ней. Восемьдесят часов занятий днем, вылазки в засады ночью, в промежутках сны без сновидений: кому в солдатской палатке, кому в модуле. Почувствовать же местный афганский колорит, этот дурманящий мускусный запах, в первые дни Ремизову так и не пришлось, а хотелось-то как, мир-то перевернулся.

– Ладно, успеем.

– А тебе оно надо. Давай лучше в магазин сходим. Хоть посмотрим на заморские товары. – Марков был практичен, этого не отнять, тем более выдалось несколько часов свободного времени.

При всем масштабе происходящих вокруг событий этот скромный гарнизонный магазин не мог остаться незамеченным, сам по себе он тоже был событием. Когда два приятеля наконец до него добрались, то как-то сразу поняли, что попали в музей. Руками не трогать, только смотреть. Романы Александра Дюма, Вальтера Скотта, Льва Толстого спокойно себе стояли на полках и ждали, когда за них заплатят деньги. Рядом с ними пылились японские магнитофоны, их владельцы уже известны, они в списке очередников. Здесь же лежало что-то из модной европейской одежды, но ценники были таковы, что внимание на ней не задержалось и скользнуло дальше, к витрине с продуктами. Черная икра (ого-о), сыр французский с какой-то плесенью (фу-у), сырокопченая колбаса (да-а), ветчина из Югославии (характерное сглатывание слюны). На десерт в этот день предлагались австрийские леденцы в ярком целлофане, кофе, сгущенное молоко и сливки и жутко шипучий голландский лимонад «SiSi» в диковинных банках. Чудеса.

Но ходить на смотрины с пустыми карманами и тихо завидовать коллегам из других батальонов все-таки глупо, поскольку первая зарплата в чеках внешнепосылторга ожидалась нескоро, а точнее – неизвестно когда. Чеки служили в Афганистане надежной валютой, на них в дуكانах, в континах и на базарах покупалось все что угодно и экзотика тоже. Хочешь, например, ишака – пожалуйста, изрядно облегчишь тяготы службы где-нибудь на точке. Хочешь козу – и будешь с молоком. Покупались, как им стало известно по большому секрету, даже женщины, вот дикая страна, но шурави, в отличие от афганцев, на такую покупку требовалась очень большая смелость или полное отсутствие тормозов.

Добравшись вечером до своей койки в четырехместном номере офицерского модуля, Марков мечтательно бросил:

– Эх, посылочку бы домой отправить.

– Помечтай, помечтай... Увы, только письма, – задумчиво ответил ему Ремизов.

– Знаю. Ну чтобы сразу все и в одном неказистом магазине – такое и во сне не увидишь.

А тут тебе икра красная, икра черная...

– Ага, икра заморская.

– Всякая, Арчи. Не понимаешь ты всей прелести полета фантазии, – нехотя бросил Марков, – и напрасно, да и не фантазия это вовсе, надо только потерпеть чуть-чуть.

– Потерпеть можно, но фантазировать – только раздражаться. Конечно, все свое, ан нет, нигде ты этой икры не купишь.

– А почему так? Может, все на экспорт гонят?

– Или просто на всех не хватает. – Ремизов с сожалением вздохнул, ему хотелось бы удивить своих близких такими деликатесами – это мамино слово – но увы. Страна живет нескончаемым дефицитом и вечными очередями, и только здесь перед ними, военными, разыгрывался настоящий гастрономический спектакль.

– Вот чеки получим, устроим настоящий праздник живота. Ждать долго, но ничего. – Черты лица у Маркова сосредоточились, стали серьезнее, отражая очевидное движение мысли. – Я сегодня узнал у ребят, взводным по двести шестьдесят платят. Нормально, да? А ты что с ними делать будешь?

– Еще не думал.

– Я, наверное, откладывать буду. Может, машину куплю. Я тут прикинул, за два года приличная сумма наберется.

Марков умел создавать вокруг себя уютную, бесконфликтную обстановку, мир приятных иллюзий и сбывающихся надежд. Вокруг него все становилось простым и понятным, как *дома в тапочках*, и ничто не намекало на грядущие неожиданности и тревоги, теплый свет лился на дорогу его жизни, а сама дорога и перед ним, и перед его будущей машиной стелилась мягкой душистой травой.

– Все ты распланировал, все у тебя по полочкам. А если убьют?

– Ты свихнулся! – Марков даже привскочил на кровати. – Типун тебе на язык!

– Я не о тебе. Я о нас, обо всех. Два года – это большой срок. Я так далеко и не загадываю, дожить бы. – Ремизов еще не стал фаталистом и о смерти думал, как о чем-то неконкретном, как о тумане безвременья. – Вовку Ровбу, нашего ротного, помнишь? Он из Афгана часы «Сейко» привез и джинсовый костюм. Все остальное пропил. Вчистую. Вот так. Он же колонны сопровождал и в самом начале своей командировки на машине подорвался, случай спас. Так что не буду я ничего собирать.

– Вовку помню. Сопьется, наверное. Он в Термезе по-черному глушил, не просыхал. А ротным был настоящим. Когда он к нам пришел, согласись, служить легче стало, наконец-то порядок появился.

– Да, одни ночные марш-броски чего стоили. Наш бывший командир – сгусток воли и нервов. Полная самоотдача! На таких офицерах армия держится. Не сопьется. Кто-то его оставит, сам себя остановит. – Ремизов считал, что у него уже есть образец для подражания, он ясно представлял, каким должен быть офицер, и, надо сказать, эта планка располагалась высоко. – А с новым ротным мы еще хлебнем, плевать ему и на нас, и на всю роту, да и на себя тоже.

– С Мамонтом точно хлебнем. Он ленивый, и у него явный излишек веса. Интересно, как он себе будущие рейды представляет? Ротой же командовать надо, а не только анекдоты рассказывать. Я его рядом с Ровбой и представить не могу. – Марков вяло зевнул. – Арчи, а ты не знаешь, откуда к нам это счастье привалило?

– Разное говорят. Вроде бы начальником разведки служил у соседей. За пьянство с должности сняли, из партии турнули, а к нам в виде поощрения направили как одного из лучших офицеров. – Ремизов не удержался от сарказма, потому что капитан Мамонтов и по своему облику, и по характеру совершенно не походил на военного. Мякотелый, несобранный, он производил впечатление человека, случайно оказавшегося в армии. Но почему-то именно его направили на войну.

– Выходит, у нас не мотострелковый батальон, а что-то вроде отстойника! То эпилептика мне во взвод пытались всучить. Помнишь, на полигоне дело было? То ротного дали – молись на него, как на икону, лишь бы не угробил. – Марков, обычно спокойный и невозмутимый, неожиданно сменил свой снисходительный тон более категоричным, почувствовав, что от командира теперь зависит не только служба.

– Все меня упрекаешь, а сам тоже заводишься.

– С кем поведешься...

– А помнишь, у Кости во взводе горбатый боец оказался? Он его к председателю комиссии водил. Говорит ему, мол, вы что, с ума сошли, кого в Афган посылаете?

– Помню, да он просто орал на этого полковника.

– Полковник, по-моему, испугался, когда горб увидел, таким бледным стал. Как парня в военкомате призвали, непонятно. А в армии, вместо того чтобы списать по состоянию здоровья, решили за речку отправить. Если бы не Костя, он там и оказался бы. Издеваются над людьми, сволочи! – Последние слова Ремизова прозвучали приговором. В его представлении плохо выполненная служба чаще всего граничила с предательством.

– А знаешь, я вот что про Мамонта думаю. Ему ведь и посочувствовать можно, какой он ни есть, а ведь тоже здесь не по своей воле. – В голове Маркова родилась свежая мысль, и закончил он ее парадоксально: – Надо было заткнуть дыру, вот им и заткнули. Как пробкой. У него, если присмотреться, тоже горб найти можно.

Без стука к ним в комнату почти вломился Рыбакин. От него сразу повеяло неумемной энергией и еще животворящими запахами кухни.

– Мужики, как насчет жареной картошки, слабо?

– Да, ладно...

– И где ты ее взял?

– Так я тебе сразу и сказал, места знать надо. Рыбак рыбака видит издалека, – он хохотнул над удачным каламбуром, – а дембель дембеля. Мои бойцы с поварами контакт нашли. А они, понимаешь ли, командира своего уважают.

– Ну и проныра же ты.

– Рем, я – организатор. У меня все схвачено, главное – поставить дело.

– Он их достал строевой подготовкой, вот они и подогнали бакшиш, откупаются.

– Марков, ты не упрощай. Я же говорю, главное – поставить дело. А толковый боец ориентируется. Еще римляне говорили, что народом надо управлять кнутом и пряником.

– Помню, ты уже как-то говорил об этом.

– И народ оценит и возлюбит своего цезаря.

– То есть тебя.

– То есть меня. Ну ладно трепать, пошли.

* * *

Сначала броня стала теплой, а к полудню – почти горячей. Апрель. Блаженство и истома. Шлемофон на голове нагрелся, но прохладный шелестящий ветерок забирался под расстегнутый комбинезон, охлаждал тело, иногда от его порыва пробегали легкие мурашки, а в голове рождались детские мысли о том, что это и есть счастье. Ремизов сидел на башне, опустив ноги в отверстие люка и прикрыв глаза. Шуршание эфира, обрывки воспоминаний о жизни в Термезе, монотонное движение колонн по трассе, которую они охраняли, умиротворяло, клонило ко сну. Господи, как хорошо жить! Просто жить. Если бы иногда не хотелось курить да желудок не напоминал о себе тихим нытьем, можно было бы замереть и стать сфинксом.

Эх, жизнь в Термезе... Оказывается, это была сказка, а он и не подозревал об этом. А теперь, когда за сомкнутыми ресницами открылось внутреннее видение, он начал легко созерцать картины мимолетных вчерашних дней, все волшебным образом изменилось в его недавнем прошлом. Даже командир полка стал безобидным Иванушкой-дурачком, и в этом образе Ремизов его сразу и навсегда простил. Служба сжалась до размеров утилитарной необходимости, она собирала в себя весь яд, все зло этой жизни, так что вне службы всюду вокруг светила ничем не омраченная радость, радость самой высокой пробы. Его совсем юная жена, ставшая за полгода семейной жизни из стройной березки уточкой, была то небесным ангелом, то сладкозвучной сиреной. Теперь же все это в прошлом...

Какой же странный он – Человек. Дикие звери и прирученные машины живут сегодняшним днем, одни проводят жизнь в поисках пищи и в борьбе за выживание, другие могут безропотно и с надрывом работать, и у первых, и у вторых нет ни вчерашнего, ни завтрашнего дня. У человека все наоборот – у него нет сегодняшнего дня, он бежит из него. Вырывает из памяти фантом прошлого, борется с ним, пытается его победить, и часто побеждает. А потом, не задерживаясь ни на секунду, оседлав очередную мечту, он стремительно врывается в Завтра, но впереди его ждет разочарование, потому что победить будущее невозможно. Борьбаться и побеждать надо сегодня, чтобы этот завтрашний день наступил. Ремизов очнулся. По трассе с ревом шла колонна тяжелых наливников. Они – лакомая цель для «духов», взводный это уже знал, эффектно взрываются, красиво горят, что еще нужно для эстетичной и эмоциональной афганской природы?

– Туранов!

– Все нормально, товарищ лейтенант, я наблюдаю.

– Будь внимательнее! Прощупай все дувалы и кустарник слева, – и тут же, прижав к горлу ларингофоны, запросил эфир: – «Пятьдесят восьмой», «Пятьдесят девятый», прием.

– На связи, – откликнулись экипажи машин.

– Усилить наблюдение. Быть в готовности!

Колонна благополучно прошла охраняемый взводом участок, замыкающий БТР с развернутым влево стволом пулемета проскочил мимо, и на непродолжительное время над дорогой снова воцарилась тишина.

Взводу Ремизова досталось три позиции между Чарикаром и Джабаль-ус-Сараджем. Впереди, за дорогой, простиралась та самая «зеленка», нафаршированная тайными тропами, лабиринтами дувалов, виноградников, еще дальше виднелись группы деревьев и отдельные дома – отсюда ожидалось нападение, туда и смотрел длинный и тонкий, как игла, ствол боевой машины, укрытой по башню в окопе. Сзади позиций взвода, как дно чаши, лежала луговина, где на приличном расстоянии от них паслись небольшие стада овец и другой живности. Луговина плавно переходила в предгорье, плоское, как огромный стол, и уже из него вырастал в небо чернеющий в двадцати километрах хребет. Задача выглядела простой: обеспечить на своем участке беспрепятственное движение колонн по дороге, в случае нападения принять соответствующие меры. Но вот уже четвертый день ничего не происходило – конечно, отсутствие новостей и есть самая хорошая новость... Между тем командиру взвода в его миражах рисовались картины возможного боя. Романтично. Когда-то ведь это случится. В самый первый раз. Но как только он приближался в мыслях к команде на открытие огня, миражи рассыпались.

«Стрелять в людей? Именно так, командир взвода, и именно ты отдашь этот приказ своим солдатам и добьешься его выполнения». От одной только рискованной мысли в кровь лошадиной дозой впрыскивался адреналин, а по коже наперегонки бежали колючие мурашки. Ремизов не имел этой самой психоэмоциональной подготовки (даже слов таких не знал), а она, что странно, и не предусматривалась курсом военного училища, растворялась среди других предметов. Ее, эту подготовку, экономно заменяли висевшие на стенах казарм красочные плакаты времен вьетнамской войны со звероподобными, кровожадными «зелеными беретами», рвущимися через казарменные коридоры к противоположной стене, где на другом плакате русский парень в Трептов-парке держал на руках девочку. Между маленькой немецкой девочкой и натовскими штыками возвышалось большое, хотя и выполненное в камне, но горячее и беззащитное тело русского солдата. Чтобы кого-то защитить, надо уметь делать ЭТО, а командир взвода все пребывал в состоянии юношеской мечтательности, совершенно не думая о том, что сначала стрелять начнут в него самого, в его солдат, и, может быть, чужие пули достигнут свои цели прежде, чем он отдаст команду на открытие огня. Но откуда-то с гор налетал прохладный весенний ветерок, и он отталкивался от тяжелых мыслей, успокаивался – все не так плохо – и становился уверенным, что в нужный момент он будет готов к войне и сможет сделать то, что должен.

Первое отделение находилось вместе с ним, два других – в четырехстах метрах слева и справа. Два солдата постоянно дежурили, вели наблюдение с тыла, Туранов периодически через прицел осматривал «зеленку», остальные спали. Небольшое стадо овец приблизилось на расстояние выстрела к позиции.

– Товарищ лейтенант! – Ремизов восторженно крикнул. – Товарищ лейтенант, здесь старик, пастух, рукой машет, что-то сказать хочет.

– Саленко, подзови его и узнай, что ему надо.

– Шанобаев, разбуди людей, всем наблюдать. Если что не так... в общем, быть в готовности.

Сидя на башне вполоборота, взводный рассматривал еще одного аксакала, пытался уловить суть если не разговора, то жестикуляции. Этот действительно старый, спина согнута, в лице печаль и уважение, что-то просит. Рядом с ним, подпирая его маленьким плечиком, стоял мальчишка лет шести, может быть, внук, и помогал старику объясниться с солдатом.

– Товарищ лейтенант, – на лице Саленко вопрос смешивался с удивлением, – он ранен. Огнестрельное ранение. В плечо.

– Когда это его, выстрелов же не было слышно?

– Мальчишка говорит, час или больше назад.

– Рану обработать сможешь?

– Смогу.

– Вокруг раны – йодом, только вокруг, аккуратней. Достань ИПП и бинтуй.

– Может, промедол вколоть? Больно ему.

– Лови, – Ремизов бросил упакованный шприц с промедолом и, пока Саленко помогал старику снять чапан, вводил под кожу иглу, успел подумать о совершенно разных вещах. ... *Наркотик как-нибудь спишем, строго с этими шприцами, в крайнем случае объясню, как есть, короче, разберемся. Саленко, крепкий русский парень из Подмосковья, с чуть наивными глазами, с располагающим характером, деревенский увалень, хотя и не простак, и сколько сочувствия старому человеку, афганцу. Он с осторожностью, заботливо занимался раной, что-то негромко говорил старику. А взводный слушал собственные мысли: ... это и есть мои люди...*

Наркотик всосался в кровь, по лицу почтенного аксакала среди многих и глубоких морщин пробежала еле заметная улыбка благодарности. Он что-то достал из-за полы чапана и попытался вручить Саленко, у того на лице отразилось нескрываемое удивление.

– Ты что? Обалдел? Не надо, оставь себе, – и как бы прося у командира подмоги, громко крикнул: – Товарищ лейтенант, он деньги дает.

– Не брать! Они ему еще пригодятся.

Старик неловко замешкался, а потом неожиданно и искренне начал кланяться в пояс русскому солдату и его командиру, не зная, как еще высказать им свою благодарность. Ремизову же показалось, что в уставших старческих глазах проступили слезы, а может, и не показалось вовсе.

– Отец, прекрати, – Саленко торопливо и мягко взял его за локоть, – ты ранен, мы тебе помогли, вот и все. Давай, иди, удачи тебе, бача.

Эта странная пара побрела дальше по своим пастушьим делам, один готовился к встрече с Аллахом, другой только знакомился с этим миром. Что бы ни случилось потом, пусть и старик, и мальчик не забудут и этот день, и этих странных шурави, которые приходят на помощь и не берут денег, пусть они расскажут об этом своим детям и внукам, пусть расскажут всем. Кто-то услышит.

* * *

– Ну что, пацаны, скоро кишлаки чесать будем. – Кныш окинул многозначительным взглядом солдат пятой роты, собравшихся перед отбоем в палатке третьего взвода, и с ядовитой усмешкой добавил: – Ты готов, Олейник?

Тот неуверенно оглянулся вокруг, ища поддержки, а потом, опутив глаза в дощатый пол, неуверенно ответил:

– Готов.

– Я сейчас разрыдаюсь, он, оказывается, готов. К чему ты готов, олень, твою мать? – пользуясь неписанным, но строго соблюдаемым правом дембеля и присутствием своих приятелей, Кныш устроил показательное судилище во взводе, где уже два года служил стрелком в звании рядового. Он выглядел здоровым и крепким парнем, имел амбиции и авторитет, а также густые смоляные волосы и пышную щетку усов, отчего в батальоне его прозвали Черным.

Сержанты не вмешивались, это был обычный треп перед отбоем, ну, может быть, не совсем обычный, поскольку насмешки становились слишком обидными и злыми. «Молодые», призванные на службу в прошлом году, и кое-кто из «черпаков», что по призыву на полгода старше, молча терпели обиды, их время еще не пришло. И Кныш с Алексеевым, и Беккузиев, и их общий друг из шестой роты Абдуразаков со своим приятелем Ярьеско явно чего-то добились.

– Я готов. И пулемет у меня почищен, и вещмешок собран. – Олейник упрямо и наивно оправдывался. Когда все ожидают увидеть, как ты за себя постоишь, промолчать нельзя, но все его слова не имели ровным счетом никакого значения.

– Ищанов, а ты? – Беккузиев, его земляк, подмигнул другому земляку Абдуразакову.

– И я готов.

– К бою, наверное? – тут снова вмешался Кныш, после чего и этот солдат покраснел и тоже потупил взгляд.

– И к бою готов, – врать было неудобно, но на самом деле никто точно не знал, кто и к чему уже готов, к чему будет готов через минуту. И к чему так и не сумеет подготовиться никогда.

– Рядовой Ищанов! К бою! – рявкнул с удовольствием Кныш, и Ищанов тут же, как учил боевой устав, распластался и замер посреди большой палатки между рядами двухъярусных кроватей, изображая при этом изготовку к стрельбе из автомата из положения лежа.

– Черный, ты прекращай! Хватит распоясываться в моем взводе! – Шанобаев, заместитель командира взвода, и по долгу службы, и по своей натуре не любил, когда разворачивались подобные вечерние спектакли. Но совсем их пресечь он не мог, не по зубам это, да и была у него одна небольшая проблема – в его окружении не осталось ни одного земляка, а без этой опоры в батальоне, в роте ни должность, ни звание старшего сержанта не играли решающей роли.

– Киргиз, у нас все по уставу, а этот взвод и мой тоже. Я в нем два года отслужил, а ты после учебки – только полтора. Стаж службы на моей стороне.

– Все равно прекращай, мы не в Союзе.

– В этом и дело! – демонстративно рассвирепел Кныш. – сли нас кинут на прочесывание, верняк будет бой, вот я и спрашиваю, кто тут готов? Аверьянов!

– Я, – откуда-то из-за спин раздался неуверенный, дрожащий голос.

– Ты готов?

– Я как все. Я – готов.

– Ни хрена ты не готов, – теперь Кныш обозлился по-настоящему, – а ну иди сюда, посмотрим на твой бицепс.

– И я с ним, – вместе с Аверьяновым к нему подошел Смирнов, маленький, шустрый, совсем мальчишка, больше похожий на школьника из девятого класса, чем на солдата.

– Ты зачем?

– А мы всегда вместе.

– Ну давай, шкет. Сорок раз отжаться. Каждому.

Дело не в количестве раз, а в безусловном подчинении новоявленному *деду*, в соблюдении полуфеодальных традиций. Есть рыцарь, есть вассалы, есть холопы. Кныш считал себя рыцарем, а эту большую армейскую палатку – ристалищем, где сейчас продолжалось закаливание его власти. Все молчали, только поскрипывали половицы, да тяжело дышал Аверьянов, почти касаясь их носом при отжимании. Он смог сделать только тридцать пять раз, выдохся и упал на доски.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.